

ХАДЖИ-МУРАТ

Сценическая версия одноименной повести Л.Н. Толстого

Автор – Сергей Сейранян

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ХАДЖИ-МУРАТ - невысокого роста, коренастый, рыжий, слегка прихрамывает, он никогда не перебивает речи, выжидает, не скажет ли собеседник еще чего. Одет он в черную или белую черкеску, на бритой голове папаха с чалмой.

ЮСУФ – сын Хаджи-Мурата, худой, бледный, оборванный, но все еще красивый своим телом и лицом.

ПАТИМАТ – мать Хаджи-Мурата, в его видениях молодая и стройная.

ЭЛДАР – названный брат Хаджи-Мурата, суровый, не улыбочивый, доверяет только Хаджи-Мурату.

ХАН-МАГОМА – мюрид Хаджи-Мурада, веселый, черноглазый.

ЛАЗУТЧИК.

ИВАН МАТВЕЕВИЧ ПЕТРОВ – майор, пьяный и добродушный храбрец.

МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА – сожительница Петрова, красивая белокурая, тридцатилетняя бездетная женщина.

БУТЛЕР - высокий курчавый офицер.

ПОЗДЕЕВ - денщик.

ПАВЛОВ – денщик.

НИКОЛАЙ I – император России, в черном сюртуке без эполет, с полупогончиками, у него огромный туго перетянутый живот.

ЧЕРНЫШЕВ – старик, военный министр России.

ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТ НИКОЛАЯ I.

ЛОРИС-МЕЛИКОВ – ротмистр, адъютант князя Воронцова.

КАМЕНЕВ - офицер.

КИРИЛЛОВ - толстенький статский советник.

ШАМИЛЬ – имам Чечни и Дагестана, высокий, с неподвижным лицом, без украшений, в белой чалме.

ДЖЕМАЛ-ЭДИН – учитель Шамиля, седой благообразный старец с белой, как снег, бородой и красно-румяным лицом

САДО - человек лет сорока, с маленькой бородкой, длинным носом.

ОТЕЦ САДО - босой с беззубым ртом старик в рваном бешмете.

СЫН САДО – мальчик лет пятнадцати с черными как спелая смородина глазами.

ЖЕНА САДО - худая женщина в красном бешмете на желтой рубахе и в синих шароварах.

ДОЧЬ САДО - девушка в красных шароварах и зеленом бешмете.

АРСЛАН-ХАН – российский офицер из горцев.

Старики.

Действие происходит в начале 50-х годов XIX века на Кавказе.

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

1.

...Вдали, тянущиеся в небо горы, горы, горы, местами покрытые деревьями и кустарниками. Горы сплетаются в причудливый притягивающий взор орнамент...

Кавказский аул. Поют соловьи, блеют барашки, мычат коровы. Временами слышен вой, визг, плач, хохот зверья. Темнеет.

Врытая в полугору сакля. Перед ней двор с постройками и столом и сиденьями из камней.

Появляется мальчик, в дырявых иштанах и папахе, он весело перебегает с места на место. Это сын Садо. Кричит муэдзин. Мальчик танцует. Муэдзин умолкает.

Цокот приближающихся лошадей. Мальчик перестает танцевать, прислушивается, убегает за дом. Слышно, что лошади встали.

Во двор заходят три человека, закутанные в баишы и бурки, с винтовками в руках, осматриваются. Первый из них Хаджи-Мурат. Второй – Хан-Магома - высматривает подходы к сакле, снова уходит. Хаджи-Мурат видит человека, закутанного в тулуп на крыше сакли, показывает на него своему другому спутнику – Элдару. Тот неслышно подходит к спящему, цокает языком и трогает его плетью. Тулуп отлетает в сторону и из под него вылезает отец Садо. Старик по приставной лестнице спускается с крыши, надевает чувяки. Хаджи-Мурат распахивает бурку, показывает лицо.

ХАДЖИ-МУРАТ. Селям алейкум!

ОТЕЦ САДО (почтительно). Алейкум селям, Хаджи-Мурат!

Из-за сакли выглядывает сын Садо.

ОТЕЦ САДО (мальчику). Беги в мечеть, зови отца. (Хаджи-Мурату.) Заходите в дом.

Сын Садо убегает.

ХАДЖИ-МУРАТ. Мы останемся здесь.

Выходит жена Садо, несет подушки.

ЖЕНА САДО. Приход твой к счастью, Хаджи-Мурат!

ХАДЖИ-МУРАТ. Сыновья твои да чтобы живы были!

Жена Садо укладывает подушки на камни.

Хаджи-Мурат, снимает с себя бурку, винтовку и шапку и отдает старику. Хаджи-Мурат остается в черной черкеске, на спине его болтается пистолет. Старик вешает оружие Хаджи-Мурата на гвоздь на стене сакли. Хаджи-Мурат, Элдар и старик читают молитву. Хаджи-Мурат садится на подушки. Старик садится против него на корточки.

ХАДЖИ-МУРАТ. Что нового?

СТАРИК. Ничего нового. Я на пчельнике живу, только пришел сына проведать. Он знает. Хорошего нового ничего нет. Только и нового, что зайцы все совещаются, как им орлов прогнать. А орлы все рвут то одного, то другого. На прошлой неделе русские собаки в соседнем ауле сено сожгли, раздерись их лицо.

Появляется Хан-Магома и, сняв бурку, винтовку и шапку и, оставив на себе только кинжал и пистолет, вешает их на стену сакли.

ОТЕЦ САДО. Он кто?

ХАДЖИ-МУРАТ. Мюрид мой, Хан-Магома зовут. А Элдар мой брат.

Старик указывает спутникам Хаджи-Мурата место подле Хаджи-Мурата. Элдар садится. Хан-Магома остается стоять, все время осматриваясь по сторонам.

ОТЕЦ САДО. Наши джигиты на прошлой неделе поймали двух солдат: одного убили, а другого послали в Ведено к Шамилю.

Появляется хозяин сакли Садо, за ним его сын. Садо закрывает глаза, читает молитву. Сын Садо издали наблюдает за гостями.

ХАДЖИ-МУРАТ. Всем жителям Чечни Шамиль объявил, чтобы они под угрозой казни не принимали меня. Ты знаешь об этом?

САДО. Да. Вчера от Шамиля люди были, приказ привезли задержать тебя живого или мертвого. У меня в доме моему кунаку, пока я жив, никто ничего не сделает. Но другой народ боится послушаться Шамиля.

ХАДЖИ-МУРАТ. Да получишь ты радость и жизнь. Надо послать к русским человека с письмом. Элдар пойдет, только проводника надо.

САДО. Мой брат его проведет. Против моего брата ни один чеченец не сумеет пройти. А другой все пообещает, да ничего не сделает. А он может.

ХАДЖИ-МУРАТ. Моего человека нужно свести к русскому начальнику, к Воронцову, сыну наместника. За труды твой брат получит три золотых.

САДО. Ему дороги не деньги, он из чести готов служить Хаджи-Мурату. Все в горах знают Хаджи-Мурата, как он русских свиней бил...

ХАДЖИ-МУРАТ *(резко)*. Веревка хороша длинная, а речь короткая.

Садо в знак согласия прикладывает руку к груди.

ХАДЖИ-МУРАТ. Еще человека в Гехи послать надо. В Гехах надо вот что...

Хаджи-Мурат замолкает, увидев появившихся женицин. Одна – жена Садо. Другая – дочь Садо, она не смотрит на гостей.

Жена Садо выносит низкий круглый столик, на котором чай, пильгиши, блины в масле, сыр, чурек и мед. Девушка несет таз, кумган и полотенце.

Сын Садо встает и бесшумно танцует. Девушка, не выдержав, смеется. Садо недовольно хлопает в ладоши. Мальчик перестает танцевать.

ХАДЖИ-МУРАТ. Оставь его, пускай танцует.

Садо делает знак, и мальчик продолжает танцевать.

Женицины, накрыв на стол, уходят.

Садо, взяв в руки кумган, придвигает к Хаджи-Мурату таз.

Хаджи-Мурат засучив рукава бешимета, подставляет их под струю воды, которую льет из кумгана Садо. Вытерев руки суровым полотенцем, Хаджи-Мурат приступает к еде. То же делает и Элдар. Хаджи-Мурат съедает только немного хлеба, сыра.

Садо подзывает сына. Сын прекращает танцевать и подходит. Садо дает ему хлеб, сыр, зелень. Сын берет пищу, садится чуть поодаль и ест.

Хаджи-Мурат, достав из кармана ножик, набирает мед и мажет его на хлеб.

ОТЕЦ САДО. Еще ешь, наш мед хороший. В нынешний год много меда уродилось.

ХАДЖИ-МУРАТ. Хватит.

Хаджи-Мурат перестает есть.

Элдар также перестает есть и подает Хаджи-Мурату таз и кумган.

САДО. Отдыхай, Хаджи-Мурат! Пока ты в моем доме и голова моя на плечах, никто тебе ничего не сделает.

ХАДЖИ-МУРАТ. Да получишь ты радость и жизнь! В Гехах надо вот что...

Хаджи-Мурат достает из хозыря черкески пулю, а оттуда свернутую трубочкой записку.

ХАДЖИ-МУРАТ. Моему сыну отдашь.

САДО. Куда ответ?

ХАДЖИ-МУРАТ. К тебе мой человек придет.

САДО. Будет сделано.

Садо перекладывает записку в хозырь своей черкески и встает.

САДО. Я за домом буду следить.

ХАН-МАГОМА. Пошли вместе.

Хан-Магома и Садо уходят.

Темнеет. Отец Садо лезет спать на крышу. Хаджи-Мурат снимает пистолет, укладывает с собой рядом, ложится, не раздеваясь, на подушки и закрывает глаза. Чуть поодаль садится Элдар.

ЭЛДАР. Спи, Хаджи-Мурат, я спать не буду.

ХАДЖИ-МУРАТ. Не могу.

ЭЛДАР. Когда еще заснешь, спи.

ХАДЖИ-МУРАТ. Не усну я... Думаю все время... Аллах всегда посылал мне удачу. Так будет и теперь. Я вижу как я с моими молодцами, с песнью и криком "Хаджи-Мурат идет", летим на Шамиля и захватываем его с его женами. Я слышу, как плачут и рыдают его женщины. Русский царь наградит меня, и я опять буду управлять не только Аварией, но и всей Чечней, которая покорится мне.

Хаджи-Мурат укладывается спать. Воют, плачут и смеются шакалы. Становится еще темнее и является Хаджи-Мурату видение...

... В полоске лунного света появляется мать Хаджи-Мурата Патимат. В его видениях она молодая, красивая. Патимат прижимает к груди невидимого ребенка, гладит его по головке.

ПАТИМАТ (поет). "Булатный кинжал твой прорвал мою белую грудь, а я приложила к ней мое солнышко, моего мальчика, омыла его своей горячей кровью, и рана зажила без трав и кореньев, не боялась я смерти, не будет бояться и мальчик-джигит". (Гладит невидимого грудничка.) Сыночек мой, когда ханша родила своего сына Умма-Хана, она снова потребовала к себе в кормилицы меня, выкормившую ее старшего сына Абу-нунцала. Но я не смогла оставить тебя без молока родной матери и сказала, что не пойду. Твой отец рассердился и приказал мне оставить своего родного ребенка и отправиться к ханше. Я снова отказалась, тогда твой отец ударил меня кинжалом и убил бы, если бы меня не защитили. Так я не отдала тебя и сама выкормила.

Мать Хаджи-Мурата продолжает петь песню.

Хаджи-Мурат приподнимает голову, глаза его закрыты.

ХАДЖИ-МУРАТ. Ты пела мне эту песню, укладывая спать с собой рядом, под шубой, на крыше сакли, и я просил тебя показать место на боку, где остался след от раны.

Мать продолжает петь песню.

ХАДЖИ-МУРАТ. Когда мне было уже пять лет, и я был тяжелый, ты носила меня за спиной в корзине через горы к деду...

Шаги... Видение исчезает. Хаджи-Мурат, открыв глаза, хватается за пистолет и поднимается. Из-за сакли выходит Садо.

ХАДЖИ-МУРАТ. Что надо?

Садо усаживается на корточки перед Хаджи-Муратом.

САДО. Думать надо. Женщина с крыши видела, как ты ехал, и рассказала мужу, а теперь весь аул знает про тебя. Сейчас прибежала соседка, сказывала, что старики собрались у мечети и хотят остановить тебя.

ХАДЖИ-МУРАТ (тихо). Элдар!

Элдар вскакивает, поправляет папаху. Хаджи-Мурат надевает оружие и бурку. Элдар делает то же.

ХАДЖИ-МУРАТ. Езжать надо.

Появляется Хан-Магома.

ХАН-МАГОМА. Кони готовы.

ХАДЖИ-МУРАТ (Садо). Бог да воздаст вам!

Из сакли выходит заспанный сын Садо. Хаджи-Мурат дружески трогает мальчика за плечо. Тот по-взрослому делает шаг назад и прикладывает руку к сердцу. Хаджи-Мурат и Элдар выходят со двора. Мальчик делает несколько шагов за ними. Отец цокает, показывая, чтобы сын остановился. Сын останавливается, долго смотрит вслед уезжающим.

2.

Зимний дворец. Кабинет императора Николая I - очень высокая комната с большими окнами. На главной стене большой портрет императора Александра. В середине комнаты - огромный письменный стол, перед ним кресло императора.

Николай сидит у стола и неподвижно своим безжизненным взглядом смотрит вперед.

Входят флигель-адъютант и Чернышев.

ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТ. Ваше императорское величество, военный министр граф Чернышев!

Чернышев склоняется в поклоне, Николай показывает, чтобы он подошел ближе. Николай кивает головой и Чернышев, открыв папку, достает документ.

ЧЕРНЫШЕВ. Вы приказали подготовить доклад, ваше величество. Это о воровстве, которое учинили интендантские чиновники. Они...

НИКОЛАЙ. Я помню.

Николай протягивает руку, и Чернышев подает ему бумаги.

НИКОЛАЙ (*просматривает бумаги*). В России воруют все... Отдать всех провинившихся интендантов в солдаты.

Николай встает, ходит.

НИКОЛАЙ. В России воруют все. На место уволенных придут новые чиновники, и они будут делать то же самое. Свойство русских чиновников – красть, моя же обязанность как государя-императора наказывать их. Как бы это не надоело мне, я продолжу исполнять свой долг. Видно, у нас в России только один честный человек.

ЧЕРНЫШЕВ (*подобострастно*). Должно быть, так, ваше величество.

Николай с удивлением и небрежной усмешкой смотрит на него.

НИКОЛАЙ. Оставь, я положу резолюцию.

Николай садится за стол, берет бумагу и небрежно перекладывает ее на левую сторону стола.

НИКОЛАЙ. Да, что было бы теперь с Россией, если бы не я. Ну, что еще?

ЧЕРНЫШЕВ. Дело студента медико-хирургической академии, ваше императорское величество.

НИКОЛАЙ. В чем суть дела?

ЧЕРНЫШЕВ. Молодой человек, два раза не выдержавший экзамен, держал его в третий раз. Экзаменатор опять не пропустил его. Тогда студент, видя в этом несправедливость, схватил со стола перочинный ножик и бросился на профессора и нанес ему несколько ничтожных ран.

НИКОЛАЙ. Как фамилия студента?

ЧЕРНЫШЕВ. Бжезовский.

НИКОЛАЙ. Поляк?

ЧЕРНЫШЕВ. Да, ваше императорское величество. Польского происхождения и католик.

НИКОЛАЙ. Все поляки негодяи. Подожди немного.

Николай закрывает глаза и опускает голову.

Флигель-адъютант и Чернышев почтительно ждут. Николай открывает глаза, берет бумагу, что-то на ней пишет, небрежно отставляет в сторону.

НИКОЛАЙ. Прочти.

Николай встает, ходит. Чернышев подходит, берет со стола бумаги.

ЧЕРНЫШЕВ (*читает*). "Заслуживает смертной казни. Но, слава богу, смертной казни у нас нет. И не мне вводить ее. Провести 12 раз сквозь тысячу человек. Николай".

ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТ. Ваше императорское величество! Достаточно всего пяти тысяч шпицрутен, чтобы убить самого сильного человека.

НИКОЛАЙ. Зачем убивать? (*Строго.*) Я же указал: смертной казни в России нет! 12 тысяч шпицрутен.

Чернышев почтительно склоняет голову.

НИКОЛАЙ. Да вывести всех студентов на плац, чтобы они присутствовали при наказании. Им полезно будет. Я выведу этот революционный дух, вырву с корнями. Сегодня у меня был генерал-губернатор Западного края Бибииков. Крестьяне у него бунтуют, не хотят переходить в православие. Я приказал ему судить всех неповинующихся военным судом и тоже прогнать всех сквозь строй.

ЧЕРНЫШЕВ. Ваше императорское величество, я хотел о Кавказе...

НИКОЛАЙ. Докладывай.

ЧЕРНЫШЕВ. Прибыл фельдъегерь с Кавказа с письмом от князя Воронцова. Очевидно, план, составленный вашим величеством, начинает приносить свои плоды.

НИКОЛАЙ. Вот как, хорошее начало.

ЧЕРНЫШЕВ. Если бы мы на Кавказе изначально следовали плану вашего величества - постепенно, хотя и медленно, подвигаться вперед, вырубая леса, истребляя запасы, то Кавказ давно бы уж был покорен. Выход Хаджи-Мурата я отношу только к этому. Он понял, что держаться им уже нельзя.

НИКОЛАЙ. Это правда. Прочти мне письмо Воронцова.

Чернышев достает письмо.

ЧЕРНЫШЕВ (*читает*). "Я не писал вам с последней почтой, любезный князь..."»

НИКОЛАЙ. Ненужные места опустить.

ЧЕРНЫШЕВ (*просматривает письмо*). Я тут отметил... (*Продолжает читать*.) «Хаджи-Мурат приехал в Тифлис 8-го; на следующий день я познакомился с ним, он очень сильно заботится о судьбе своего семейства и говорит со всеми знаками полной откровенности, что, пока его семейство в руках Шамиля, он парализован и не в силах услужить нам и доказать свою благодарность за ласковый прием и прощение, которые ему оказали. Незвестность, в которой он

находится насчет дорогих ему особ, вызывает в нем лихорадочное состояние, и лица, назначенные мною, чтобы жить с ним здесь, уверяют меня, что он не спит по ночам, почти что ничего не ест, постоянно молится и только просит позволения покататься верхом с несколькими казаками. Каждый день он приходил ко мне узнавать, имею ли я какие-нибудь известия о его семействе, и просит меня, чтобы я велел собрать на наших различных линиях всех пленных, которые находятся в нашем распоряжении, чтобы предложить их Шамилю для обмена, к чему он прибавит немного денег. Есть люди, которые ему дадут их для этого. Он мне все повторял: спасите мое семейство и потом дайте мне возможность услужить вам, и если по истечении месяца я не окажу вам большой услуги, накажите меня, как сочтете нужным.

Я ему сказал откровенно мое мнение о том, что Шамиль ни в каком случае не выдаст ему семейства, что он, может быть, прямо объявит ему это, обещает ему полное прощение и прежние должности, погрозит, если он не вернется, погубить его мать, жен и шестерых детей. Я спросил его, может ли он сказать откровенно, что бы он сделал, если бы получил такое объявление Шамиля. Он повторил мне несколько раз, что он умоляет меня, во имя бога, помочь ему и позволить ему вернуться в окрестности Чечни, где бы он, через посредство и с дозволения наших начальников, мог иметь сношения со своим семейством, постоянные известия о его настоящем положении и о средствах освободить его. Это очень озадачило меня, так как, что ни сделай, большая ответственность лежит на мне. Было бы в высшей степени неосторожно вполне доверять ему; но если бы мы хотели отнять у него средства для бегства, то мы должны были бы запереть его; а это, по моему мнению, было бы и несправедливо и неполитично. Такая мера, известие о которой скоро распространилось бы по всему Дагестану, очень повредила бы нам там, отнимая охоту у всех тех (а их много), которые готовы идти более или менее открыто против Шамиля и которые так интересуются положением у нас самого храброго и предприимчивого помощника имама, увидевшего себя принужденным отдаться в наши руки. Если мы поступили бы с Хаджи-Муратом, как с пленным, весь благоприятный эффект его измены Шамилю пропал бы для нас.

Поэтому я думаю, что не мог поступить иначе, как поступил, чувствуя, однако, что можно будет обвинить меня в большой ошибке, если бы вздумалось Хаджи-Мурату уйти снова. В службе и в таких запутанных делах трудно, чтобы не сказать невозможно, идти по одной прямой дороге, не рискуя ошибиться и не принимая на себя ответственности; но раз что дорога кажется прямою, надо идти по ней, - будь что будет.

Я снарядил к Хаджи-Мурату ротмистра Лорис-Меликова, достойного, отличного и очень умного офицера, говорящего по-татарски, знающего хорошо Хаджи-Мурата, который, кажется, тоже вполне доверяет ему...»

Николай поднимает руку, Чернышев перестает читать.

НИКОЛАЙ. Отпиши Воронцову... Твердо продолжать держаться моей системы разорения жилищ, уничтожения продовольствия в Чечне и тревожить их набегами.

ЧЕРНЫШЕВ. О Хаджи-Мурате что прикажете?

НИКОЛАЙ. Да ведь Воронцов пишет, что хочет употребить его на Кавказе.

ЧЕРНЫШЕВ. Не рискованно ли это, ваше императорское величество? Михаил Семенович, боюсь, слишком доверчив.

НИКОЛАЙ. А ты что думал бы?

ЧЕРНЫШЕВ. Да я думал бы, безопаснее отправить его в Россию.

НИКОЛАЙ (*насмешливо*). Ты думал... (*Резко.*) А я так не думаю и согласен с Воронцовым. Так и напиши ему.

ЧЕРНЫШЕВ. Слушаю!

Николай делает знак рукой Чернышев выходит.

НИКОЛАЙ. Да, что бы была без меня Россия... (Пауза.) Да, чтобы была без меня не Россия одна, а Европа? Взять моего шурина, прусского короля – слабый и глупый человек.

Остальные тоже не лучше... (*Громко*). "Копервейн, Копервейн!"

ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТ (*испуганно*). Что ваше величество?

НИКОЛАЙ. Копервейн, Копервейн. Я вспомнил фамилию девицы, с которой я вчера встречался в театре, а позже уделил ей время. Напомните мне, чтобы я поручил министру двора Волконскому выдавать ежегодную пенсию матери этой девицы. Копервейн, Копервейн!

Николай выходит.

3.

...Вдали, тянущиеся в небо горы, горы, горы, местами покрытые деревьями и кустарниками. Горы сплетаются в причудливый притягивающий взор орнамент...

Крепость. На горизонте сакли, мазанки. Впереди – три мазанки, отделенные друг от друга дорожками. У первой из них, самой большой, растут цветы. Вторая – с закрытыми ставнями. Третья – самая маленькая. У первого и второго домов имеется еще второй вход сзади дома. За мазанками видны грядки.

Во дворе, на краю растет огромный куст репейника. В середине – грубо сбитый стол и скамьи.

Поздеев в выцветшей тужурке выходит с мешком из-за дома, останавливается передохнуть.

ПОЗДЕЕВ. Павлов!

ГОЛОС ПАВЛОВА. Чего тебе, Поздеев?

ПОЗДЕЕВ. Покурим?

Из-за дома появляется Павлов.

ПАВЛОВ. Ну что ж, налаживай!

Поздеев достает кисет, отсыпает табак Павлову. Оба неторопливо делают самокрутки.

ПОЗДЕЕВ. Умаялся я с капустой.

ПАВЛОВ. С картошкой будет не легче.

ПОЗДЕЕВ. Еще хозяйка велела репейник срубить.

ПАВЛОВ. Срубим... как-нибудь.

Появляется Бутлер.

БУТЛЕР. Отдыхаем?

ПОЗДЕЕВ. Некогда, ротный, перекурим и снова за работу.

ПАВЛОВ. А то вовсе без перекура.

Вдали слышится топот копыт, как будто приближается отряд.

ПОЗДЕЕВ. Скорей бы снова на вырубку.

ПАВЛОВ. Хорошо там среди своих.

БУТЛЕР. Погодите, отряд скачет. *(Смотрит вдаль.)* Черные все какие-то... Нет... И в русской форме есть.

ПОЗДЕЕВ *(тихо Павлову)*. Не наше это дело, мало ли что... Пошли за дом...

ИВАН МАТВЕЕВИЧ *(кричит из дома)*. Павлов, где ты, сучий потрох!

ПАВЛОВ. Проснулся, к себе требует. Покурить спокойно не дадут.

Павлов идет к первому дому, Поздеев к огородам.

Появляется Лорис-Меликов с нагайкой в руках.

ЛОРИС-МЕЛИКОВ. Бутлер!

Лорис-Меликов в приветствии щелкает нагайкой.

БУТЛЕР *(радостно)*. Ротмистр Лорис-Меликов!

Бутлер и Лорис-Меликов прикладывают руки к сердцу, потом берут друг друга за предплечье.

ЛОРИС-МЕЛИКОВ. Не думал, дружище, что встречу вас на Кавказе. Что привело блестящего петербургского гвардейца в наши суровые края? Женщина? Дуэль?

БУТЛЕР. Другому я бы рассказал нечто подобное, но с вами, ротмистр, лукавить не стану – все гораздо проще. Первоначально главной причиной было то, что я проигрался в карты в Петербурге. Я боялся, что оставаясь в гвардии, не буду в силах удержаться от игры, а проигрывать уже нечего было. Теперь все это кончено. Была иная жизнь, и такая хорошая, молодецкая. А теперь другая - я забыл и про свое разорение и свои неоплатные долги. И Кавказ, война, солдаты, офицеры - все это так хорошо, что я иногда не верю себе, что нахожусь не в Петербурге, не в накуренных комнатах, где загибаю углы и понтирую, ненавидя банкомета и чувствуя давящую боль в голове, а здесь, в этом чудном краю, среди молодцов-кавказцев. Да я, поверьте в мою искренность, теперь только рад. Люди здесь простые и откровенные. Это мне нравится. Слышал, что вы состоите при наместнике государя-императора на Кавказе?

ЛОРИС-МЕЛИКОВ. Да, я адъютант князя Воронцова.

БУТЛЕР. Как вас занесло в нашу крепость?

ЛОРИС-МЕЛИКОВ. Сопровождаю Хаджи-Мурата.

БУТЛЕР. Значит, не врут, что он в наших краях объявился?

ЛОРИС-МЕЛИКОВ. Не врут, он сам к нашим вышел, к сыну наместника, молодому Воронцову. Хаджи-Мурат будет жить у вас, поближе к военным действиям. Может, сгодится...

БУТЛЕР. Не боитесь, что уйдет обратно?

ЛОРИС-МЕЛИКОВ. Не должен, хотя все может быть... Иногда меня посещают мысли, что он вышел к нам, чтобы все хорошо высмотреть. Но я гоню эти мысли. Он нам очень нужен. Хаджи-Мурат весьма популярен. Все походы и набеги его были поразительны по необыкновенной быстроте переходов и смелости нападений. Они всегда были успешны.

БУТЛЕР. А что думает по этому поводу князь Воронцов?

ЛОРИС-МЕЛИКОВ. Я присутствовал при аудиенции Воронцовым Хаджи-Мурата. Они долго пожимали друг другу руки и говорили любезности. При том глаза Воронцова говорили, что он не верит ни одному слову из всего того, что говорил Хаджи-Мурат, что он знает, что тот враг всему русскому, всегда останется таким и теперь покоряется только потому, что принужден к этому.

БУТЛЕР. А что Хаджи-Мурат?

ЛОРИС-МЕЛИКОВ. Хаджи-Мурат на словах уверял в своей преданности.

БУТЛЕР. А что говорили его глаза?

ЛОРИС-МЕЛИКОВ. Глаза же Хаджи-Мурата говорили, что князю Воронцову – семидесятилетнему старику надо бы думать о смерти, а не о войне. А еще я почувствовал, что Хаджи-Мурат понимает: Воронцов хоть и стар, но хитер, и надо быть осторожным с ним. *(Показывает на большой дом.)* Этот дом воинского начальника?

БУТЛЕР. Он самый. *(Смотрит на дорогу.)* Кто из них Хаджи-Мурат?

ЛОРИС-МЕЛИКОВ. Тот, что в белой черкеске.

БУТЛЕР. При мне генерал рассказывал, как Хаджи-Мурат в 43-м году, после взятия горцами Гергебиля, наткнулся на отряд генерала Пассека и как он, на их глазах почти, убил полковника Золотухина. Тот же генерал рассказывал про несчастный Даргинский поход. Там благодаря Хаджи-Мурату мы потеряли много убитых и раненых и несколько пушек. Если б к нам на выручку не пришли другие войска, были бы перебиты все.

ЛОРИС-МЕЛИКОВ. Не советую вам, Бутлер, вспоминать все Даргинский поход. Командовавший тогда нашими войсками князь Воронцов представил в донесении государю поход как победу и блестящий подвиг русских войск.

БУТЛЕР. А еще мне рассказывали, что Хаджи-Мурат похитил вдову Ахмет-хана Мехтулинского.

ЛОРИС-МЕЛИКОВ. Ничего необычного. Ночью вошел в селенье, схватил, что ему нужно было, и ускакал.

БУТЛЕР. Зачем же ему нужна была именно женщина лет ста?

ЛОРИС-МЕЛИКОВ. А он был врагом ее мужа, преследовал его, но нигде до самой смерти хана не мог встретить, так вот он отомстил на вдове.

БУТЛЕР. Говорили, что он с рыцарским уважением обращался с пленницей и потом отпустил ее.

ЛОРИС-МЕЛИКОВ. Да, отпустил... за выкуп.

БУТЛЕР. А еще говорят, что он собственноручно убил 26 русских пленных.

ЛОРИС-МЕЛИКОВ. Это возможно. В Тифлисе много разного что говорят про Хаджи-Мурата. Говорят, что в сорок девятом году он среди бела дня ворвался в Темир-Хан-Шуру и разграбил тамошние лавки.

БУТЛЕР. Трудная у вас там в Тифлисе служба: улыбки, интриги. Здесь лучше – ясно, где свои, а кто враг. Я пойду начальника предупрежу.

ЛОРИС-МЕЛИКОВ. Каков он, ваш начальник?

БУТЛЕР. Майор Иван Матвеевич Петров простой русский человек, я бывал с ним в походах. Живет он в этом доме вместе с дочкой фельдшера Марьей Дмитриевной, замечательной женщиной. Я быстро.

ЛОРИС-МЕЛИКОВ. А я приведу гостей сюда.

Лорис-Меликов уходит по дороге.

Бутлер идет к дому Петрова, стучит.

БУТЛЕР. Марья Дмитриевна, это я, Бутлер.

Бутлеру не открывают, он идет за дом.

Из-за дома выходит Поздеев.

ПОЗДЕЕВ. Павлов!

Появляется Павлов.

ПАВЛОВ. Чего опять разорался?

ПОЗДЕЕВ. Слухай сюда, я разговор подслушал.

ПАВЛОВ. Ну и что?

ПОЗДЕЕВ. А то, что говорят... Про Хаджи-Мурата слышал?

ПАВЛОВ. Как не слышать, били его много раз.

ПОЗДЕЕВ. Ну, да и от него доставалось. *(Оглядывается.)* Хаджи-Мурат вышел к нашим и будут жить у нас в крепости.

ПАВЛОВ. Во как... Сколько душ загубил, проклятый, теперь, поди, как его ублаготворять будут.

ПОЗДЕЕВ. А то как же. Первый камандер у Шмеля был. *(Показывает на дорогу.)* Вон он в белой черкеске.

ПАВЛОВ *(всматривается в дорогу)*. А молодчина, что говорить, джигит. А черный-то, черный - как зверь, косится. Ух, собака, должно быть.

ПОЗДЕЕВ. А другой с лица хороший.

ПАВЛОВ. Как же, хороший, попадись ему ночью, он тебе требуху выпустит.

ПОЗДЕЕВ. Сюда идут, пошли, мало ли.

ИВАН МАТВЕЕВИЧ *(кричит из дома)*. Павлов! Ты куда подевался?

ПАВЛОВ. Водку и папиросы требует. Надоело все, скорее бы обратно в отряд, на вырубку.

Павлов идет к дому Петрова, Поздеев – к огородам.

Из-за дома с корзиной выходит Марья Дмитриевна.

Бегом возвращается Бутлер.

БУТЛЕР. Марья Дмитриевна, куда денщики подевались?

МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА. Пьянствовать наверное ушли. Да вам что?

БУТЛЕР. Помочь надо, к нам прискакали горцы. Сам Хаджи-Мурат среди них.

МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА *(улыбаясь)*. Еще выдумайте что-нибудь.

БУТЛЕР. Я не шучу.

МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА. Да неужели вправду?

БУТЛЕР. Что ж мне вам выдумывать. Подите, посмотрите.

МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА. Вот так оказия. Так я пойду, разбужу Ивана Матвеевича.

Марья Дмитриевна идет к дому, оттуда выходит Иван Матвеевич с папиросой. За ним Павлов.

ИВАН МАТВЕЕВИЧ *(недовольно)*. Чего расшумелись?!

МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА. Хаджи-Мурат прибыл.

ИВАН МАТВЕЕВИЧ *(хмуро)*. Ну и чего?

Иван Матвеевич подает знак, и Павлов протягивает ему сюртук. Иван Матвеевич громко откашливается, отдает папироску Павлову и одевается.

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. Прислали ко мне этого черта, только его здесь и не хватало.

МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА. Вы бы, Иван Матвеевич, потише выражались.

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. Уйди, без тебя тошно. *(Павлову.)* Лекарства мне!

Павлов подносит Ивану Матвеевичу водку.

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. Вот вчера выпил чихиря, и болит голова. Нет хуже смеси...

Иван Матвеевич выпивает водку и закусывает черным хлебом.

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. Ну, теперь готов...

Иван Матвеевич бодро делает несколько шагов в сторону дороги.

Появляются Лорис-Меликов с Хаджи-Муратом, за ними идут Элдар и Хан-Магома.

Хаджи-Мурат подходит к Ивану Матвеевичу, подает руку, на двух пальцах которой висит плеть.

ХАДЖИ-МУРАТ. Начальник?

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. Здравствуйте, как его по-вашему... кошкотьды.

ЛОРИС-МЕЛИКОВ. Ротмистр Лорис-Меликов. Хаджи-Мурат и его люди говорят по-русски.

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. Слыхали про Хаджи-Мурата...

ЛОРИС-МЕЛИКОВ. Хаджи-Мурат будет гостить у вас.

Лорис-Меликов протягивает бумагу. Иван Матвеевич берет ее, читает.

ЛОРИС-МЕЛИКОВ. Вашему гостю дозволено иметь сношения с горцами через лазутчиков, при этом предписано выпускать его из крепости только с конвоем казаков.

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. Якши, бек-якши. Пускай живет. Так и скажите ему, что мне приказано не выпускать его одного. А что приказано то свято. А поместим его - как думаешь, Бутлер, поместим в канцелярию?

МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА. Зачем в канцелярию? Поместите здесь в этом доме, он пустой. *(Показывает на средний дом.)* По крайней мере, на глазах будет.

БУТЛЕР. Что же, я думаю, что Марья Дмитриевна права.

ИВАН МАТВЕЕВИЧ *(Марье Дмитриевне)*. Ну, ну, ступай, распорядись, бабам тут нечего делать.

Марья Дмитриевна уходит.

Лорис-Меликов подходит к Хаджи-Мурату и что-то вполголоса ему говорит. Хаджи-Мурат отвечает.

ЛОРИС-МЕЛИКОВ. Он сказал, что ему все равно, где жить. Одно, что ему нужно и что разрешено ему сардарем, это то, чтобы иметь сношения с горцами, и потому он желает, чтобы их допускали к нему.

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. Это будет сделано. Бутлер, займи гостей, пока принесут им закусь и приготовят дом, я же пойду в канцелярию написать нужные бумаги и сделать распоряжения.

Иван Матвеевич уходит.

Хаджи-Мурат встает, нервно ходит, делает знак Лорис-Меликову, и они отходят в сторону.

ХАДЖИ-МУРАТ. Ты слышал мой разговор с князем Воронцовым?

ЛОРИС-МЕЛИКОВ. Да. От начала до конца.

ХАДЖИ-МУРАТ. Что я сказал князю, ты помнишь?

ЛОРИС-МЕЛИКОВ. Ты сказал: «Отдаюсь под высокое покровительство великого царя и ваше. Обещаюсь верно, до последней капли крови служить белому царю и надеюсь быть полезным в войне с Шамилем, врагом моим и вашим...».

ХАДЖИ-МУРАТ. А потом я еще добавил: «Прежде, когда я управлял Аварией, в 39-м году, то верно служил русским и никогда не изменил бы им, если бы не мой враг Ахмет-Хан, который хотел погубить меня и оклеветал перед генералом Клюгенау. И Ахмет-Хан и Шамиль, оба - враги мои... Скажи князю: Ахмет-Хан умер, я не смог отомстить ему, но Шамиль еще жив, и я не умру, не отплатив ему.

Хаджи-Мурат продолжает нервно ходить, о чем-то думая.

ЛОРИС-МЕЛИКОВ. Что тебя тревожит?

ХАДЖИ-МУРАТ. Передай сардарю...

ЛОРИС-МЕЛИКОВ. Государю-императору?

ХАДЖИ-МУРАТ. Да. Передай сардарю, что моя семья в руках моего врага; и до тех пор, пока семья моя в горах, я связан и не могу служить. Он убьет моих жен, убьет мать, убьет шестерых детей, если я прямо пойду против него. Пусть только князь выручит мою семью, выменяет ее на пленных, и тогда я или умру, или уничтожу Шамиля.

4.

...Вдали, тянущиеся в небо горы, горы, горы, местами покрытые деревьями и кустарниками. Горы сплетаются в причудливый притягивающий взор орнамент...

Кавказский аул. Повсюду дым. Сакля Садо наполовину сожжена, остальная часть обвалилась. Откуда-то слышны крики, женский плач, молитвы муэдзина. Орет брошенный скот. Отец Садо сидит у развалин и, смотря в одну точку, строгаёт палочку. Жена Садо выносит из развалин большой таз, нюхает его.

ЖЕНА САДО. Всюду нагадили, нелюди.

ОТЕЦ САДО. На пчельнике тоже... Абрикосовые и вишневые деревья поломали, все сено пожгли, а главное сожгли все мои улья с пчелами.

Жена Садо достает из развалин большой чан и, понюхав, поморщившись, несет по двору.

Во двор заходит Садо, неся нечто, завернутое в бурку. Жена Садо напрягается, следит за мужем. Садо укладывает бурку на землю, раскрывает ее. Из бурки появляется мертвое тело сына Садо. Чан со звоном падает из рук женщины. Она подходит к трупу сына и воет, царапая себе в кровь лицо.

Из сакли выбегает дочь Садо, присоединяется к матери. Жена Садо рвет на себе рубашку, из-под которой открываются ее обвисшие груди. Отец Садо подходит, смотрит на мертвого внука.

ОТЕЦ САДО. Штыком проткнули. И в фонтан нагадили, чтобы люди воду не могли брать.

САДО. В мечети тоже нагадили, мулла с муталимами очищают.

ОТЕЦ САДО. Старикам собраться надо, решить. Остаться, восстановить все, покориться русским?

САДО. Русские могут снова прийти, убить и сжечь.

ОТЕЦ САДО. Тогда надо решить и послать гонцов за помощью к Шамилю.

САДО. Уже помолились и решили. Никто против не был. Послы к Шамилю поскакали.

Садо находит лопату.

САДО (отцу). Пошли могилу рыть.

Садо выходит со двора. Отец ковыляет за сыном. Женщины продолжают выть.

5.

...Вдали, тянущиеся в небо горы, горы, горы, местами покрытые деревьями и кустарниками. Горы сплетаются в причудливый притягивающий взор орнамент...

Крепость. Двор. Теперь в среднем доме ставни открыты.

Хаджи-Мурат сидит во дворе и пьет чай. Чуть поодаль стоят Хан-Магома и Элдар. Слышится топот копыт. Хан-Магома смотрит на дорогу, идет на звук. Хан-Магома возвращается.

ХАН-МАГОМА. Лорис-Меликов приехал.

Хаджи-Мурат встает, поправляет черкеску. Элдар уносит чашку с чаем. Появляется Лорис-Меликов. Лорис-Меликов и Хаджи-Мурат тепло приветствуют друг друга.

ХАДЖИ-МУРАТ. Я всегда рад видеть тебя.

ЛОРИС-МЕЛИКОВ. Я тоже. Прискакал я по поручению главнокомандующего князя Воронцова.

ХАДЖИ-МУРАТ. Мои голова и руки рады служить сардарю.

Хаджи-Мурат наклоняет голову и прикладывает руки к груди. Элдар выносит два кресла, Лорис-Меликов и Хаджи-Мурат располагаются у стола.

ЛОРИС-МЕЛИКОВ. Князь, хотя и знает прошлое Хаджи-Мурата, желает от него самого узнать всю его историю. Ты расскажи мне, а я запишу, потом князь pošлет ее государю.

ХАДЖИ-МУРАТ. Моя история будет прочтена государем?

ЛОРИС-МЕЛИКОВ. Вполне возможно.

ХАДЖИ-МУРАТ. Тогда слушай.

ЛОРИС-МЕЛИКОВ. Расскажи мне все с начала, не торопись.

Лорис-Меликов достает из сумки бумагу.

ХАДЖИ-МУРАТ. Это можно, только много, очень много есть чего рассказывать. Много дела было.

ЛОРИС-МЕЛИКОВ. Не успеешь сразу, в другой раз доскажешь.

ХАДЖИ-МУРАТ. С начала начинать?

ЛОРИС-МЕЛИКОВ. Да. Где родился, где жил.

Хаджи-Мурат опускает голову и долго сидит так; потом берет палочку со стола, достает острый, как бритва, булатный ножик и начинает им резать палочку и в одно и то же время рассказывать.

ХАДЖИ-МУРАТ. Пиши: родился в Цельмесе, аул небольшой, с ослиную голову, как у нас говорят в горах. Недалеко от нас, выстрела за два, находился Хунзах, где ханы жили. Моя мать кормила старшего хана, Абунунцал-Хана, от этого я и стал близок к ханам. Ханов было трое: Абунунцал-Хан, молочный брат моего брата Османа, Умма-Хан, мой брат названный, и Булач-Хан, меньший, тот, которого Шамиль сбросил с кручи. Да это было после. Мне было лет пятнадцать, когда по аулам стали ходить мюриды. Они били по камням деревянными шашками и кричали: "Мусульмане, хазават!" Чеченцы все перешли к мюридам, и аварцы стали переходить к ним. Я жил тогда во дворце. Я был как брат ханам: что хотел, то делал, и стал богат. Были у меня и лошади, и оружие, и деньги были. Жил в свое удовольствие и ни о чем не думал.

ЛОРИС-МЕЛИКОВ. Долго так жил?

ХАДЖИ-МУРАТ. Пока имама Кази-Муллу не убили, и Гамзат не стал на его место. Имам Гамзат прислал ханам послов сказать, что, если они не примут хазават, он разорит Хунзах. Тут надо было подумать. Ханы боялись русских, боялись принять хазават, и ханша послала меня с сыном, со вторым, с Умма-Ханом, в Тифлис просить у главного русского начальника помощи от Гамзата. Главным начальником был Розен, барон. Он не принял ни меня, ни Умма-Хана. Велел сказать, что поможет, и ничего не сделал. Только его офицеры стали ездить к нам и играть в карты с Умма-Ханом. Они поили его вином и в дурные места возили его, и Умма-Хан проиграл им в карты все, что у него было. Он был телом сильный, как бык, и храбрый, как лев, а душой слабый, как вода. Он проиграл бы последних коней и оружие, если бы я не увез его обратно домой. После Тифлиса мысли мои переменились, и я стал уговаривать ханшу и молодых ханов принять хазават.

ЛОРИС-МЕЛИКОВ. Отчего ж переменились мысли? Не понравились русские?

ХАДЖИ-МУРАТ. Нет, не понравились. И еще было дело такое, что я захотел принять хазават.

ЛОРИС-МЕЛИКОВ. Какое же дело?

ХАДЖИ-МУРАТ. А под Цельмесом мы с ханом столкнулись с тремя мюридами: два ушли, а третьего я убил из пистолета. Когда я подошел к нему, чтоб снять оружие, он был жив еще. Он поглядел на меня. "Ты, говорит, убил меня. Мне хорошо. А ты мусульманин, и молод и силен, прими хазават. Бог велит".

ХАДЖИ-МУРАТ. Что ж, и ты принял?

ЛОРИС-МЕЛИКОВ. Не принял, а стал думать. Когда Гамзат подступил к Хунзаху, мы послали к нему стариков и велели сказать, что согласны принять хазават, только бы он прислал ученого человека растолковать, как надо держать его. Гамзат велел старикам сбрить усы, проткнуть ноздри, привесить к их носам лепешки и отослать их назад. Старики сказали, что Гамзат готов прислать шейха, чтобы научить нас хазавату, но только с тем, чтобы ханша прислала к нему аманатом своего меньшого сына. Ханша поверила и послала Булач-Хана к Гамзату. Гамзат принял хорошо Булач-Хана и прислал к нам звать к себе и старших братьев. Он велел сказать, что хочет служить ханам так же, как его отец служил их отцу. Ханша была женщина слабая, глупая и дерзкая, как и все женщины, когда они живут по своей воле. Она побоялась послать обоих сыновей и послала одного Умма-Хана. Я поехал с ним. Нас за версту встретили мюриды и пели, и стреляли, и джигитовали вокруг нас. А когда мы подъехали, Гамзат вышел из палатки, подошел к стремени Умма-Хана и принял его, как хана. Он сказал: "Я не сделал вашему дому никакого зла и не хочу делать. Вы только меня не убейте и не мешайте мне приводить людей к хазавату. А я буду служить вам со всем моим войском, как отец мой служил вашему отцу. Пустите меня жить в вашем доме. Я буду помогать вам моими советами, а вы делайте, что хотите". Умма-Хан был туп на речи. Он не знал, что сказать, и молчал. Тогда я сказал, что если так, то пускай Гамзат едет в Хунзах, ханша и молодой хан с почетом примут его. Но мне не дали

досказать, и тут в первый раз я столкнулся с Шамилем. Он был тут же, подле имама. "Не тебя спрашивают, а хана", - сказал он мне. Я замолчал, а Гамзат проводил Умма-Хана в палатку. Потом Гамзат позвал меня и велел со своими послами ехать в Хунзах. Я поехал. Послы стали уговаривать ханшу отпустить к Гамзату и старшего хана. Я видел измену и сказал ханше, чтобы она не посылала сына. Но у женщины ума в голове - сколько на яйце волос. Ханша поверила и велела сыну ехать. Абунунцал не хотел. Тогда она сказала: "Видно, ты боишься". Она, как пчела, знала, в какое место больнее ужалить его. Абунунцал загорелся, не стал больше говорить с ней и велел седлать. Я поехал с ним. Гамзат встретил нас еще лучше, чем Умма-Хана. Он сам выехал навстречу за два выстрела под гору. За ним ехали конные со значками, пели "Ля илляха иль алла", стреляли, джигитовали. Когда мы подъехали к лагерю, Гамзат ввел хана в палатку. А я остался с лошадьми. Я был под горой, когда в палатке Гамзата стали стрелять. Я подбежал к палатке. Умма-Хан лежал ничком в луже крови, а Абунунцал бился с мюридами. Половина лица у него была отрублена и висела. Он захватил ее одной рукой, а другой рубил кинжалом всех, кто подходил к нему. При мне он срубил брата Гамзата и нацелился уже на другого, но тут мюриды стали стрелять в него, и он упал.

Хаджи-Мурат прекращает говорить, загорелое лицо его буро краснеет, и глаза наливаются кровью.

ЛОРИС-МЕЛИКОВ. Что было дальше?

ХАДЖИ-МУРАТ. На меня нашел страх, и я убежал.

ЛОРИС-МЕЛИКОВ. Я думал, что ты никогда ничего не боялся.

ХАДЖИ-МУРАТ. Потом никогда; с тех пор я всегда вспоминал этот стыд, и когда вспоминал, то уже ничего не боялся.

Часы во внутреннем кармане Хаджи-Мурата прозвонили. Хаджи-Мурат поднимается, достает брегет.

ХАДЖИ-МУРАТ. Кунака Воронцова подарок, хороший человек.

ЛОРИС-МЕЛИКОВ. Да, хороший. И часы хорошие.

ХАДЖИ-МУРАТ. А теперь молиться надо.

ЛОРИС-МЕЛИКОВ. Так ты молись, а я подожду.

ХАДЖИ-МУРАТ. Якши, хорошо.

Хаджи-Мурат уходит в дом.

Лорис-Меликов продолжает делать записи.

Появляется Бутлер в черкеске.

ЛОРИС-МЕЛИКОВ. Бутлер, я вижу, что вы стали настоящим кавказцем? (*Осматривает одежду Бутлера.*) Бешмет, черкеска, ноговицы, все весьма хорошего качества.

БУТЛЕР. Поэзия особенной, энергической горской жизни, с приездом Хаджи-Мурата еще более охватила меня. Порой мне кажется, что я сам горец. Мне хочется жить такую же, как и эти люди, жизнью.

ЛОРИС-МЕЛИКОВ. Я чувствую, что вы пользуетесь расположением ваших гостей?

БУТЛЕР. Есть такое дело. Даже люди Хаджи-Мурата ко мне благоволят.

ЛОРИС-МЕЛИКОВ. Если б Хаджи-Мурат относился к вам плохо, это передалось бы его людям.

БУТЛЕР. Странные эти кавказцы. К Ивану Матвеевичу Хаджи-Мурат относится высокомерно, хотя тот здесь самый большой начальник, а ко мне благоволит. Можно сказать, что мы с ним сдружились. Иногда Хаджи-Мурат приходит ко мне, иногда я к нему. И всегда его люди усаживают меня на самое почетное место, чаем поят.

ЛОРИС-МЕЛИКОВ. И о чем вы говорите?

БУТЛЕР. Хаджи-Мурат расспрашивает меня про мою жизнь и рассказывает про свою. Он сообщает мне о тех известиях, которые приносят ему лазутчики о положении его семьи, и даже советуется, что ему делать.

ЛОРИС-МЕЛИКОВ. И что говорят лазутчики?

БУТЛЕР. Они два раза приходили к Хаджи-Мурату и оба раза известия были дурные. Поэтому и настроение Хаджи-Мурата переменчиво. Но он крепкий, держится. Мне в канцелярию надо.

ЛОРИС-МЕЛИКОВ. Тогда сообщите Петрову, что мне надобно с ним переговорить.

БУТЛЕР. Я передам.

Бутлер уходит.

Появляются, о чем-то споря и толкаясь, Хан-Магома и Элдар.

ЛОРИС-МЕЛИКОВ (*Хан-Магоме*). О чем это вы спорите?

ХАН-МАГОМА. Он все Шамиля хвалит, говорит, Шамиль - большой человек. И ученый, и святой, и джигит.

ЛОРИС-МЕЛИКОВ. Как же он от него ушел, а все хвалит?

ХАН-МАГОМА. Ушел, а хвалит.

ЭЛДАР. Кабы Шамиль не был святой, народ бы не слушал его.

ХАН-МАГОМА. Святой был не Шамиль, а Мансур. Это был настоящий святой. Когда он был имамом, весь народ был другой. Он ездил по аулам, и народ выходил к нему, целовал полы его черкески и каялся в грехах, и клялся не делать дурного. Старики говорили: тогда все люди жили, как святые, - не курили, не пили, не пропускали молитвы, обиды прощали друг другу, даже кровь прощали. Тогда деньги и вещи, как находили, привязывали на шесты и ставили на дорогах. Тогда и бог давал успеха народу во всем, а не так, как теперь.

ЭЛДАР. И теперь в горах не пьют и не курят.

ХАН-МАГОМА. Ламорой твой Шамиль!

ЛОРИС-МЕЛИКОВ. Что такое ламорой?

ХАН-МАГОМА. Мы так презрительно называем диких горцев.

ЭЛДАР. В горах-то и живут орлы.

ХАН-МАГОМА. А молодчина! Ловко меня срезал.

Лорис-Меликов достаёт серебряную папиросницу, хочет закурить.

ХАН-МАГОМА. Угости меня!

ЛОРИС-МЕЛИКОВ. Вам же по религии запрещено курить.

Хан-Магома осматривается.

ХАН-МАГОМА (*тихо*). Можно, пока не видят.

Хан-Магома неумело зажигает папиросу и, не затягиваясь, выпускает дым.

ЭЛДАР. Нехорошо это.

Элдар демонстративно отходит в сторону.

ХАН-МАГОМА. Где мне лучше купить шелковый бешмет и белую папаху?

ЛОРИС-МЕЛИКОВ. Это стоит дорого. У тебя разве так много денег?

ХАН-МАГОМА. Есть, надо будет, еще достану.

ЭЛДАР. Ты спроси у него, откуда у него деньги.

ХАН-МАГОМА. Я еще в Тифлисе выиграл, гулял по городу и набрел на кучку людей, русских денщиков и армян, они в орлянку играли. Кон был большой: три золотых и серебра много. Я сразу смекнул, в чем игра. Хотел сыграть, а денег не было, одна медь. Тогда я, позванивая медяками, которые были у меня в кармане, вошел в круг и сказал, что держу на все.

ЛОРИС-МЕЛИКОВ. Как же на все? Ты же сам сказал, что у тебя были одни медяки.

ХАН-МАГОМА (*гордо*). У меня всего было двенадцать копеек.

ЛОРИС-МЕЛИКОВ. Ну, а если бы проиграл?

ХАН-МАГОМА (*достаёт пистолет*). А вот.

ЛОРИС-МЕЛИКОВ. Отдал бы пистолет?

ХАН-МАГОМА. Зачем отдавать? Убежал бы, а кто бы задержал, убил бы. И готово.

ЛОРИС-МЕЛИКОВ. Что же, и выиграл?

ХАН-МАГОМА. Айя, собрал все и ушел.

ЭЛДАР. Нехорошо так делать, аллах не простит.

Хан-Магома машет пренебрежительно рукой.

ЛОРИС-МЕЛИКОВ (*Элдару*). Давно ты с Хаджи-Муратом?

ЭЛДАР. Пять лет.

ЛОРИС-МЕЛИКОВ. Откуда ты родом?

ЭЛДАР. Я из одного аула с ним. Мой отец убил его дядю, и они хотели убить меня. Тогда я попросил принять меня братом.

ЛОРИС-МЕЛИКОВ. Что значит: принять братом?

ЭЛДАР. Я не брил два месяца головы, ногтей не стриг и пришел к ним. Они пустили меня к Патимат, к матери Хаджи-Мурата. Патимат дала мне грудь, и я стал его братом.

Слышатся звуки шагов. Хан-Магома быстро тушит папиросу.

ХАН-МАГОМА. Хаджи-Мурат закончил молиться.

Появляется Хаджи-Мурат.

ХАДЖИ-МУРАТ. Что же, продолжать?

ЛОРИС-МЕЛИКОВ. Да, непременно.

Хаджи-Мурат подает знак и его люди отходят. Хаджи-Мурат садится в кресло.

ХАДЖИ-МУРАТ. Я сказал, как ханов убили. Ну, убили их, и Гамзат въехал в Хунзах и сел в ханском дворце. Но оставалась мать-ханша. Гамзат призвал ее к себе. Она стала выговаривать ему. Он мигнул своему мюриду Асельдеру, и тот сзади ударил, убил ее.

ЛОРИС-МЕЛИКОВ. Зачем же он убил ее-то?

ХАДЖИ-МУРАТ. А как же быть: перелез передними ногами, перелезай и задними. Надо было всю породу покончить. Так и сделали. Шамиль меньшого убил, сбросил с кручи. Вся Авария покорилась Гамзату, только мы с братом не хотели покоряться. Нам надо было кровь его за ханов. Мы делали вид, что покорились, а думали только, как взять с него кровь. Мы посоветовались с дедом и решили выждать время, когда он выедет из дворца, и из засады убить его. Кто-то подслушал нас, сказал Гамзату, и он призвал к себе деда и сказал: "Смотри, если правда, что твои внуки задумывают худое против меня, висеть тебе с ними на одной перекладине. Я делаю дело божье, и мне помешать нельзя. Иди и помни, что я сказал". Дед пришел домой и сказал нам. Тогда мы решили не ждать, сделать дело в первый день праздника в мечети. Товарищи отказались, остались мы с братом. Мы взяли по два пистолета, надели бурки и пошли в мечеть. Гамзат вошел с тридцатью мюридами. Все они держали шашки наголо. Рядом с Гамзатом шел Асельдер, его любимый мюрид, - тот самый, который отрубил голову ханше. Увидав нас, он крикнул, чтобы мы сняли бурки, и подошел ко мне. Кинжал у меня был в руке, и я убил его и бросился к Гамзату. Но брат Осман уже выстрелил в него. Гамзат еще был жив и с кинжалом бросился на брата, но я добил его в голову. Мюридов было тридцать человек, нас - двое. Они убили брата Османа, а я отбил, выскочил в окно и ушел. Когда узнали, что Гамзат убит, весь народ поднялся, и мюриды бежали, а тех, какие не бежали, всех перебили.

ЛОРИС-МЕЛИКОВ. Тогда ты победил всех своих врагов.

ХАДЖИ-МУРАТ. Да. Сначала было хорошо, потом все испортилось. Шамиль стал имамом на место Гамзата. Он прислал ко мне послов сказать, чтобы я шел с ним против русских; если же я откажусь, то он грозил, что разорит Хунзах и убьет меня. Я сказал, что не пойду к нему и не пущу его к себе.

ЛОРИС-МЕЛИКОВ. Отчего же ты не пошел к нему?

ХАДЖИ-МУРАТ. Нельзя было. На Шамиле была кровь моего брата Османа и Абунунчал-Хана. Потому я не пошел к нему. Розен-генерал прислал мне чин офицера и велел быть начальником Аварии. Все бы было хорошо, но Розен сначала назначил над Аварией Ахмет-Хана. Он возненавидел меня и подсылал своих нукеров убить меня, но я ушел от них. Тогда Ахмет-Хан наговорил на меня генералу Ключегнау, сказал, что я не велю аварцам давать дров солдатам. Он сказал ему еще, что я надел чалму, вот эту... (*Показывает чалму на папаче.*) А это значит, что я передался Шамилю. Генерал не поверил и не велел трогать меня. Но когда генерал уехал в Тифлис, Ахмет-Хан с ротой солдат схватил меня, заковал в цепи и привязал к пушке. Шесть суток держали меня так. На седьмые сутки отвязали и повели в Темир-Хан-Шуру. Вели сорок солдат с заряженными ружьями. Руки были связа-

ны, и велено было убить меня, если я захочу бежать. Я знал это. Когда мы стали подходить, подле Моксоха тропка была узкая, направо кручь сажен в пятьдесят, я перешел от солдата направо, на край кручи. Солдат хотел остановить меня, но я прыгнул под кручу и потащил за собой солдата. Солдат убился насмерть, а я вот жив остался. Ребра, голову, руки, ногу - все поломал. Пополз было – и не мог. Закружилась голова, и заснул. Проснулся мокрый, в крови. Пастух увидал. Позвал народ, снесли меня в аул. Ребра, голова зажили, зажила и нога, только стала короткая.

Хаджи-Мурат показывает кривую ногу.

ЛОРИС-МЕЛИКОВ. Потому ты и перешел к Шамилю?

ХАДЖИ-МУРАТ. Не сразу. Слушай дальше...

Хаджи-Мурат призывает к себе Элдара, что-то говорит ему. Элдар уходит в дом.

ХАДЖИ-МУРАТ. Я сказал ему, чтобы письма принес. Это важно. Народ в ауле узнал про меня, стал ездить ко мне. Я выздоровел, перебрался в Цельмес. Аварцы опять звали меня управлять ими. И я согласился...

Из дома выходит Элдар, несет сумку, падает Хаджи-Мурату. Хаджи-Мурат достает бумаги и протягивает их Лорис-Меликову.

ЛОРИС-МЕЛИКОВ. Это что?

ХАДЖИ-МУРАТ. Письма генерала Клюгенау. Читай.

ЛОРИС-МЕЛИКОВ (*читает*). "Прапорщик Хаджи-Мурат! Ты служил у меня - я был доволен тобою и считал тебя добрым человеком. Недавно генерал-майор Ахмет-Хан уведомил меня, что ты изменник, что ты надел чалму, что ты имеешь сношения с Шамилем, что ты научил народ не слушать русского начальства. Я приказал арестовать тебя и доставить тебя ко мне, ты - бежал; не знаю, к лучшему ли это, или к худшему, потому что не знаю - виноват ли ты, или нет. Теперь слушай меня. Ежели совесть твоя чиста противу великого царя, если ты не виноват ни в чем, явись ко мне..."

Лорис-Меликов перестает читать и опускает письмо.

ХАДЖИ-МУРАТ. Я написал ему, что чалму я носил, но не для Шамиля, а для спасения души, что к Шамилю я перейти не хочу и не могу, потому что через него убиты мои отец, братья и родственники, но что и к русским не могу выйти, потому что меня обесчестили. В Хунзахе, когда я был связан, один негодяй насрал на меня. И я не могу выйти к вам, пока человек этот не будет убит. А главное, боюсь обманщика Ахмет-Хана. Тогда генерал прислал мне это письмо.

Хаджи-Мурат, подает Лорис-Меликову другую пожелтевшую бумажку. Лорис-Меликов берет, читает.

ЛОРИС-МЕЛИКОВ (*читает*). "Ты мне отвечал на мое письмо, спасибо, Ты пишешь, что ты не боишься воротиться, но бесчестие, нанесенное тебе одним гяуром, запрещает это; а я тебя уверяю, что русский закон справедлив, и в глазах твоих ты увидишь наказание того, кто смел тебя оскорбить, - я уже приказал это исследовать. Послушай, Хаджи-Мурат. Я имею право быть недовольным на тебя, потому что ты не веришь мне и моей чести, но я прощаю тебе, зная недоверчивость характера вообще горцев. Ежели ты чист совестью, если чалму ты надевал, собственно, только для спасения души, то ты прав и смело можешь глядеть русскому правительству и мне в глаза; а тот, кто тебя обесчестил, уверяю, будет наказан, и ты увидишь и узнаешь, что значит русский закон. Я сам позволил гимринцам чалму носить и смотрю на их действия как следует; следовательно, повторяю, тебе нечего бояться.

ХАДЖИ-МУРАТ. Я не поверил этому и не поехал к Клюгенау. Мне, главное, надо было отомстить Ахмет-Хану, а этого я не мог сделать через русских. В это же время Ахмет-Хан окружил Цельмес и хотел схватить или убить меня. У меня было слишком мало народа, я не мог отбиться от него. И вот в это-то время ко мне приехал посланник от Шамиля с письмом. Он обещал помочь мне отбиться от Ахмет-Хана и убить его и давал мне в управление всю Аварию. Я долго думал и перешел к Шамилю. И вот с тех пор я, не переставая воевал с русскими.

ЛОРИС-МЕЛИКОВ. Так ты стал другом Шамиля?

ХАДЖИ-МУРАТ. Дружбы между мной и Шамилем никогда не было. Он боялся меня, и я был ему нужен.

ЛОРИС-МЕЛИКОВ. Почему же вы стали с Шамилем снова врагами?

ХАДЖИ-МУРАТ. Как-то у меня спросили, кому быть имамом после Шамиля? Я сказал, что имамом будет тот, у кого шашка востра. Это передали Шамилю, и он захотел избавиться от меня. Он послал меня в Табасарань. Я поехал, отбил тысячу баранов, триста лошадей. Но он сказал, что я не то сделал, и сменил меня с наибства и велел прислать ему все деньги. Я послал тысячу золотых. Он прислал своих мюридов и отобрал у меня все мое именье. Он требовал меня к себе; я знал, что он хочет убить меня, и не поехал. Он прислал взять меня. Я отбил и вышел к Воронцову. Только семью я не смог взять. И мать, и жены, и дети у него. Скажи сардарю: пока семья там, я ничего не могу делать.

ЛОРИС-МЕЛИКОВ. Воронцов об этом знает.

ХАДЖИ-МУРАТ. Хлопочи, старайся. Что мое - то твое, только помоги у князя. Я связан, и конец веревки - у Шамиля в руке.

Лорис-Меликов поднимается, Хаджи-Мурат за ним.

ЛОРИС-МЕЛИКОВ. Мне пора, у меня еще много дел. Князь Воронцов желает видеть тебя в Тифлисе, хочет еще раз поговорить.

ХАДЖИ-МУРАТ. Я на все готов, чтобы освободить семью.

Лорис-Меликов пожмает руку Хаджи-Мурату.

ЛОРИС-МЕЛИКОВ. Вот и обсудите все с князем. Мы тебя ждем...

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

6.

...Вдали, тянущиеся в небо горы, горы, горы, местами покрытые деревьями и кустарниками. Горы сплетаются в причудливый притягивающий взор орнамент...

Аул Ведено. Прилепленные к скалам дома. Большой двор, огороженный камнями. Слышится стрельба, топот копыт, приветственные крики. Слышится пение поющих "Ля илляха иль алла". Во дворе появляется Джемал-Эдин. Он смотрит вдаль, слышит цокот приближающихся коней, напрягается, делает несколько шагов вперед. Появляется Шамиль.

Шамиль и Джемал-Эдин, не говоря ни слова, совершают омовение и молятся.

ДЖЕМАЛ-ЭДИН. Весь народ аула Ведено стоит на улице и на крышах, встречая своего повелителя, так много не стреляли, встречая даже самых знатных людей. Ты победил и убил много русских. Народ говорит, ты сам принимал участие в сражении...

ШАМИЛЬ. Это так. Все говорят, что мы победили? Пусть говорят.

ДЖЕМАЛ-ЭДИН. В твоих словах я чувствую горечь.

ШАМИЛЬ. Многие чеченские аулы сожжены и разорены. Чеченцы переменчивый и легкомысленный народ, они колеблются, и некоторые из них уже готовы перейти к русским.

ДЖАМАЛ-ЭДИН. Будь с тобой Хаджи-Мурат со своей ловкостью, смелостью и храбростью, ты бы уничтожил всех русских в Чечне... Помиришься с Хаджи-Муратом.

ШАМИЛЬ. Это невозможно, но я не могу сказать об этом вслух. Хаджи-Мурат потребует слишком большую плату....

ДЖАМАЛ-ЭДИН. Тогда нельзя допустить, чтобы он помогал русским. Надо выманить его сюда, потом убить. Или подослать человека, который бы убил его.

ШАМИЛЬ. Не получится. У нас одно средство – в наших руках его семья. Он страстно любит свою мать и старшего сына. Мы должны действовать через сына, другого пути нет. Семью Хаджи-Мурата переправили в Ведено?

ДЖАМАЛ-ЭДИН. Да, они здесь. Его мать Патимат, две жены и пятеро малых детей под караулом в сакле сотенного Ибрагима Рашида.

ШАМИЛЬ. Где старший сын Хаджи-Мурата?

ДЖАМАЛ-ЭДИН. Юсуфу уже восемнадцать лет, его посадили в яму. Что будем с ними делать?

ШАМИЛЬ. Семью Хаджи-Мурата не трогать. Пока... Старшего сына приведите ко мне.

ДЖАМАЛ-ЭДИН. В соседней кунацкой собрались старики для обсуждения важных дел, они три дня дожидаются тебя. Ты устал, отпусти их.

ШАМИЛЬ. Да я устал. Тебе, своему учителю я только могу сказать правду, сейчас я хочу только одного: отдыха и ласки любимейшей из жен своих, восемнадцатилетней черноглазой Аминет. Она рядом, за забором, но мне нельзя сейчас не только пойти к ней, нельзя просто лечь на пуховики отдохнуть от усталости. Нельзя обижать стариков. Пусть заходят.

Джемал-Эдин выходит. Уставший Шамиль закрывает глаза.

Заходят шесть стариков. Шамиль встает, поднимает руки, молится вместе с ними.

Старики садятся на подушки.

ДЖЕМАЛ-ЭДИН. У нас много дел, которые надо решить - убийства по кровомщению, покража скота, курение табака и питье вина...

ШАМИЛЬ. Давай только самые важные...

ДЖЕМАЛ-ЭДИН. Двое занимались воровством. Они украли...

ШАМИЛЬ (*перебивает*). Их вина доказана?

ДЖАМАЛ-ЭДИН. Полностью.

Старики согласно кивают головами.

ШАМИЛЬ. Отрубить у них по руке.

Старики согласно кивают головами.

ДЖАМАЛ-ЭДИН. Еще один человек убил твоего подданного.

ШАМИЛЬ. Отрубить ему голову.

Старики снова согласно кивают.

ДЖАМАЛ-ЭДИН. Мы написали чеченцам, чтобы они не переходили к русским.

ШАМИЛЬ. Читай.

Джамал-Эдин достает бумагу.

ДЖАМАЛ-ЭДИН (*читает*). "Желаю вам вечный мир с богом всемогущим! Слышу я, что русские ласкают вас и призывают к покорности. Не верьте им и не покоряйтесь, а терпите. Если не будете вознаграждены за это в этой жизни, то получите награду в будущей.

Вспомните, что было прежде, когда у вас отбирали оружие. Если бы не вразумил вас тогда, в 1840 году бог, вы бы уже были солдатами и ходили вместо кинжалов со штыками, а жены ваши ходили бы без шаровар и были бы поруганы. Судите по прошедшему о будущем. Лучше умереть во вражде с русскими, чем жить с неверными. Потерпите, а я с Кораном и шашкою приду к вам и поведу вас против русских. Теперь же строго повелеваю не иметь не только намерения, но и помышления покоряться русским".

ШАМИЛЬ. Хорошо.

Джамал-Эдин подносит ему бумагу и перо.

ШАМИЛЬ (*подписывает*). Разошлите по всем аулам.

Шамиль закрывает глаза, молчит. Все почтительно ждут.

ШАМИЛЬ. Где сын Хаджи-Мурата?

ДЖАМАЛ-ЭДИН. Он уже здесь.

Джамал-Эдин подает знак, вводят Юсуфа.

Юсуф подходит к Шамилю и целует его руку.

ШАМИЛЬ. Ты сын Хаджи-Мурата?

ЮСУФ. Я, имам.

ШАМИЛЬ. Ты знаешь, что сделал твой отец?

ЮСУФ. Знаю, имам, и жалею об этом.

ШАМИЛЬ. Весь аул Ведено вышел встречать меня – дети, женщины, мужчины. Старики и старухи. Среди них только не было твоей бабки Патимат.

ЮСУФ. Я об этом тоже жалею.

ШАМИЛЬ. О чем ты мечтаешь?

ЮСУФ. Я мечтаю, чтобы, как и другие храбрецы, упиваясь воздухом, светом и свободой, гарцевать на лихих конях вокруг тебя, повелитель, стрелять во врагов и дружно петь "Ля илляха иль алла".

ШАМИЛЬ. Это возможно. Ты умеешь писать?

ЮСУФ. Да, я готовился стать муллой.

ШАМИЛЬ. Так напиши отцу, что, если он выйдет назад ко мне теперь, то я прощу его, дам его семье свободу, ты будешь рядом со мной. Если же нет, и он останется у русских... *(Грозно.)* ...то, я отдам твою бабушку, твою мать по аулам, а тебе отрублю голову.

Юсуф покорно склоняет голову.

ШАМИЛЬ. Напиши так и отдай моему посланнику. *(Еще жестче.)* Напиши, что я пожалел тебя и не убью, а выколю глаза, как я делаю всем изменникам. Иди.

Охранники берут Юсуфа за руки и выводят. Юсуф бросается на одного из охранников, пытается выхватить кинжал, его бьют, он падает, и его волокут со двора...

Шамиль встает, за ним поднимаются старики.

7.

...Вдали, тянущиеся в небо горы, горы, горы, местами покрытые деревьями и кустарниками. Горы сплетаются в причудливый притягивающий взор орнамент...

Крепость. Двор. Из-за мазанок выходит со свертком Бутлер, идет в сторону дома Хаджи-Мурата.

Из дома выходит Иван Матвеевич, видит Бутлера.

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. Где наш гость?

БУТЛЕР. Ушел к себе, собирается. Я вот подарки ему приготовил, горцы это любят.

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. Вот я про то же. Проводы надо устроить Хаджи-Мурату, а то как-то не по-людски получается.

БУТЛЕР. Так он же водку не пьет.

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. Ему чай, нам тоже чай... белый, проводим по-людски. Павлов! Куда это денщики подевались? Поздеев, сучий потрох!

Из дома выходит Марья Дмитриевна.

МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА. Чего вы, Иван Матвеевич, разорались?

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. Так денщиков зову.

МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА. Я им столько раз говорила репей срубить, так все без толку. За грядками лежали жирным пузом к солнцу. Вот я и приставила их к делу, помогают Хаджи-Мурата собирать в дорогу.

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. Так стол накрыть надо, Хаджи-Мурата провожать будем.

МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА. У меня без вас все готово. Самовар поставим, пироги у меня есть, варенье.

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. Водку для нас с Бутлером не забудь.

МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА. Каша у меня свежая...

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. Соленья к водке будут в самый раз.

Марья Дмитриевна быстро уходит.

Из дома выходит Хаджи-Мурат, одетый в черную черкеску, при оружии. За ним выходит Хан-Магома.

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. Поговорить, по-человечески познакомиться даже не успели, а тебе опять в дорогу.

ХАДЖИ-МУРАТ. Казаки для сопровождения прибыли?

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. Прибыли, куда они денутся. Надо бы в дорогу покушать, а то нехорошо на голодный желудок. По себе знаю – скачешь на коне, а все внутри булькает.

Павлов и Поздеев выносят самовар, закуски. Иван Матвеевич живо садится за стол, разливает водку.

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. Бутлер, присоединяйся. Давай, Хаджи-Мурат, к столу пожалуйте.

Хаджи-Мурат садится на другой половине стола, где стоит самовар.

Марья Дмитриевна выносит кашу в горшочке.

МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА (*Хаджи-Мурату*). Хорошая каша, кушайте на здоровье!

ХАДЖИ-МУРАТ. Каша хорошо.

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. Ну, с богом, Бутлер.

Иван Матвеевич и Бутлер пьют.

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. Вот так и не поговорили по-людски. Я у тебя, Хаджи-Мурат, все хотел спросить: понравился тебе наш Тифлис?

ХАДЖИ-МУРАТ. Понравился.

БУТЛЕР. Что тебе понравилось?

ХАДЖИ-МУРАТ. Больше всего мне понравился театр.

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. Лорис-Меликов сказывал, что ты в Тифлисе был на балу у главнокомандующего?

ХАДЖИ-МУРАТ. Был.

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. Ну как понравилось?

ХАДЖИ-МУРАТ. У каждого народа свои обычаи. У нас женщины так не одеваются.

МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА. И что тебе не понравилось?

ХАДЖИ-МУРАТ. У нас пословица есть: угостила собака ишака мясом, а ишак собаку сеном, - оба голодные остались. Всякому народу свой обычай хорош.

Хаджи-Мурат берет налитый Хан-Магомой стакан чаю и ставит его перед собой.

МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА. Что ж к чаю? Сливки? Пирогов?

Хаджи-Мурат отрицательно качает головой.

ИВАН МАТВЕЕВИЧ (*выпивает*). Так что ж, прощай Хаджи-Мурат!

БУТЛЕР (*пьет*). Когда еще свидимся?

Из дома выходит Элдар с белой буркой и шашкой.

ХАДЖИ-МУРАТ (*встает*). Мне пора, айда пошел!

Хаджи-Мурат кличет Хан-Магому. Элдар подходит и подает ему белую бурку и шашку.

Хаджи-Мурат берет бурку и, перекинув ее через руку, подает Марье Дмитриевне.

ХАДЖИ-МУРАТ. Ты тогда похвалила бурку, возьми.

МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА (*краснеет*). Зачем это?

ХАДЖИ-МУРАТ. Так надо. Наш закон такой.

Марья Дмитриевна берет бурку.

МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА. Ну, благодарю. Дай бог вам сына вырастить. Улан якши.

Хаджи-Мурат одобрительно кивает головой.

Хаджи-Мурат берет шашку и подает Ивану Матвеевичу.

ХАДЖИ-МУРАТ. Это тебе, подарок.

ИВАН МАТВЕЕВИЧ (*берет шашку*). Ну, уважил, благодарствую! Вот что, мерина моего бурого бери, дарю, больше нечем отдарить.

БУТЛЕР. У меня тоже вот – подарки. Потом посмотришь.

ХАДЖИ-МУРАТ. Спасибо.

Хаджи-Мурат машет рукой, показывая, что ему ничего не нужно и что он не возьмет, а потом, показав на горы и на свое сердце, идет в сторону дороги.

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. Хаджи-Мурат, ты мерина возьми, я от чистого сердца.

Хаджи-Мурат в ответ отрицательно машет рукой. С другой стороны неожиданно появляется кумыцкий князь Арслан-Хан с несколькими воинами в бурках. Первым его видит Хан-Магома. Он кричит. Хаджи-Мурат резко оборачивается. Арслан—Хан первым выхватывает пистолет и стреляет и не попадает. Хаджи-Мурат, проявив невероятную

ловкость, успевает подбежать и схватить Арслан-Хана за пистолет. Пистолет отлетает в сторону. Хаджи-Мурат достает кинжал, кажется, что сейчас он убьет Арслан-Хана, однако в последний миг подбежавшему Бутлеру удается схватить Хаджи-Мурата за руку и оттащить его в сторону. Иван Матвеевич держит Арслан-Хана. Хан-Магома и Элдар прижимают к земле спутников Арслан-Хана и волокут их со двора.

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. Что же это ты, Арслан, у меня в доме затеял такую гадость! Нехорошо это, брат. В поле две воли, а что же у меня резню такую затевать?! Пошли!

Иван Матвеевич уводит Арслан-Хана за дом. Возвращаются Хаджи-Мурат и Бутлер.

БУТЛЕР. За что он тебя убить хотел?

ХАДЖИ-МУРАТ. Такой у нас закон, Арслан должен отомстить мне за кровь. Вот он и хотел убить.

БУТЛЕР. Ну и что теперь мы будем делать? Если он догонит тебя дорогой?

ХАДЖИ-МУРАТ. Что ж, - убьет, значит, так аллах хочет. Ну, прощай. (*Марья Дмитриевна.*) Прощай, матушка, спасибо.

МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА. Дай бог, дай бог тебе семью выручить.

БУТЛЕР. Смотри, не забудь кунака.

ХАДЖИ-МУРАТ. Я верный друг тебе, никогда не забуду.

Хаджи-Мурат берет подарок Бутлера и, не оглядываясь, уходит. Хан-Магома и Элдар идут за ним.

Бутлер и Марья Дмитриевна смотрят вслед.

МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА. Ускакали.

БУТЛЕР. Молодчина! Ведь как волк бросился на Арслан-Хана, совсем лицо другое стало.

МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА. Дай бог, чтобы побольше русских таких было. Неделю у нас прожил; кроме хорошего, ничего от него не видали. Обходительный, умный, справедливый.

Из-за дома выходит Иван Матвеевич, слышит разговор.

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. Как ты это все узнала?

МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА. Стало быть, узнала.

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. Втюрилась, а? Уж это как есть.

МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА. Ну и втюрилась. А вам что?

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. А Хаджи-Мурат тоже хорош, я заметил: разговаривает с моей Машей, а сам взгляд отводит, видать тоже влюбился.

МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА. Скажете тоже, не подумав. Только зачем напраслину городить, когда человек хороший. Он татарин, а хороший.

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. Надоело слушать эти ваши бабские глупости, пойду работать.

Иван Матвеевич уходит.

БУТЛЕР. Скучно будет без Хаджи-Мурата. Я тоже уезжаю.

МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА. Куда это?

БУТЛЕР. В отряд поеду, на передовую, Иван Матвеевич разрешил отлучиться на время. Проведаю однополчан и своих однокашников по Пажескому корпусу, они в Куринском полку служат. Пойду собираться.

МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА. Покушать в дорогу возьмите.

БУТЛЕР. Спасибо, не надо, я поскачу налегке.

МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА. Нет, возьмите. Подождите, я соберу.

Марья Дмитриевна начинает собирать со стола.

БУТЛЕР. Не надо мне ничего, Марья Дмитриевна.

МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА. В таких делах женщине виднее.

Марья Дмитриевна, напевая песню, собирает продукты со стола, складывает в корзину и идет к мазанке Бутлера.

...Вдали, тянущиеся в небо горы, горы, горы, местами покрытые деревьями и кустарниками. Горы сплетаются в причудливый притягивающий взор орнамент...

Крепость. Двор.

Появляется Поздеев с лопатой, садится за стол, достает кисет, крутит сигарку, закуривает. Появляется Павлов.

ПОЗДЕЕВ. А что, Павлов, бывает тебе скучно?

ПАВЛОВ. Зачем она скука?

ПОЗДЕЕВ. А мне другой раз так-то скучно, так скучно, что, кажись, и сам не знаю, что бы над собою сделал.

ПАВЛОВ. Вишь ты!

ПОЗДЕЕВ. Я вот деньги-то пропил, ведь это все от скуки. Накатило на меня. Думаю: дай пьян нарежусь.

ПАВЛОВ. А бывает, с вина еще хуже.

ПОЗДЕЕВ. И это бывает.

ПАВЛОВ. Да с чего ж скучаешь-то?

ПОЗДЕЕВ. Я-то? Да по дому скучаю.

ПАВЛОВ. Что ж - богато жили?

ПОЗДЕЕВ. Не то что богачи, а жили справно. Хорошо жили. Там гор нет, там хорошо. Ведь я по охотке служить за брата пошел. У него ребята сам-пят! А меня только женили. Матушка просить стала. Думаю: что мне! Авось попомнят мое добро. Сходил к барину. Барин у нас хороший, говорит: "Молодец, ступай". Так и пошел за брата.

ПАВЛОВ. Что ж, это хорошо.

ПОЗДЕЕВ. А вот веришь ли, теперь скучаю. И больше с того и скучаю, что зачем, мол, за брата пошел. Он, мол, теперь царствует, а ты вот мучаешься. И чем больше думаю, тем хуже. Такой грех, видно. Вот так вот... Ты где был? Я тебя ищу, с утра один, умаялся уже.

ПАВЛОВ. Так я рано проснулся, думал репейник срубить.

ПОЗДЕЕВ. Лопатой что ли? Это же репейник, не лопух какой, его нашим инструментом не возьмешь, тут сначала обмозговать надо как и что.

ПАВЛОВ. Вот я и бросил это дело. За околицу вышел и на те вижу: знакомый казак скачет, он Бутлера сопровождал.

ПОЗДЕЕВ. Бутлер вернулся?

ПАВЛОВ. Я же говорю: казак мой знакомый его сопровождал. Посидели, покурили.

Поздеев подвигает в сторону Павлова кисет. Павлов нюхает табак, достает бумагу, сворачивает самокрутку.

ПОЗДЕЕВ. Что казак твой рассказывает? Как там на вырубке?

ПАВЛОВ. Тихо, говорит, все по-старому. Было, говорит, всего две тревоги, на которые выбегали роты и скакали казаки и милиционеры, но оба раза горцы уходили. Сказывает, один раз только в станице Воздвиженской угнали восемь лошадей казачьих с водопоя и убили казака. Он еще мне по секрету сказал (*Понижает голос.*) ...ожидается большая экспедиция в Чечню. Назначен новый начальник левого фланга князь Барятинский и будет поход.

ПОЗДЕЕВ. Твой секрет уже, небось, и горцы знают и готовятся.

ПАВЛОВ. А как же. На то и секрет, чтобы о нем знать.

ПОЗДЕЕВ. Ну и еще чего рассказывает?

ПАВЛОВ. Сказывает, что в полюбовницах у князя Барятинского сама Марья Васильевна Воронцова, жена сына наместника государя. Она приехала в лагерь. Офицеры и солдаты, не стесняясь, ругают её последними словами.

ПОЗДЕЕВ. Да они баре, у них своя жизнь, нам-то что...

ПАВЛОВ. А солдатам и офицерам то, что после ее прибытия начали высылать народ в ночные секреты.

ПОЗДЕЕВ. С чего это?

ПАВЛОВ. А с того, что горцы подвозят орудия и пускают по лагерю ядра.

ПОЗДЕЕВ. Ну и что? Это всегда было. Вреда от ядер этих, считай, никакого нет, не попадают они. Пушай стреляют, коль им охота.

ПАВЛОВ. Вот именно. Но от выстрелов Марья Васильевна пугается, потому и высылаются секреты, чтобы горцы не могли выдвигать орудия и стрелять. Ходить же каждую ночь в секреты для того, чтобы не напугать барыню, оскорбительно и противно, потому Марью Васильевну нехорошими словами честят не только солдаты, но и офицеры.

Выходит Иван Матвеевич.

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. Чего опять сидим?

Павлов и Поздеев поднимаются.

ПОЗДЕЕВ. Перекур у нас.

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. Между куревом надо хоть изредка работать. Почему репейник не срубили?

ПАВЛОВ. Так это не наш репейник, кавказский, его лопатой нашей не возьмешь.

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. Так идите, доставайте другой инструмент.

ПОЗДЕЕВ. Откуда его взять?

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. Сгиньте с глаз. Нет, Поздеев, вынеси-ка ты мне, братец, лекарство.

Поздеев и Павлов уходят за мазанку.

Иван Матвеевич идет к репейнику, тужится, пытаясь его срубить, у него ничего не получается. Иван Матвеевич отходит, потирая ушибленные руки.

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. Ничего, завтра роту солдатиков других нагоню, затопчут.

Появляется Поздеев с подносом, на котором стопка и закуска.

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. Убери, я работать буду.

ПОЗДЕЕВ. Так вы сами.

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. Убери...

Поздеев идет к дому. Иван Матвеевич следит за ним, мучаясь в сомнениях.

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. Стой!

Поздеев останавливается. Иван Матвеевич идет в его сторону. Из-за дома выходит Марья Дмитриевна.

МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА. С утра уже, Иван Матвеевич, сил моих больше нету терпеть.

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. Ты, Маша, думай хотя бы иногда. Мне работать надо, а не с тобой болтать.

Иван Матвеевич показывает, чтобы Поздеев уходил. Поздеев уходит.

МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА. Так, Иван Матвеевич, кто вам мешает? Работайте, только без этого!

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. Без чего, без этого!?

МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА. Сами знаете. И не орите, Бутлера разбудите, он ночью прискакал, взял у меня полтинник на чай провожатому казаку.

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. Почему я ничего не слышал?

МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА. Так вы храпели так, что все горцы разбежались.

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. Ну и что Бутлер рассказывает?

МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА. Вид у него грустный, отвечает коротко, сразу видать, что проигрался. Не надо было его отпускать.

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. Так он просился в лагерь, а не за карточный стол.

МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА. Тише, он выходит.

Появляется Бутлер, выглядит он плохо.

БУТЛЕР. Здравствуйте.

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. Ну, здравствуй! Сказывай, что нового узнал?

Бутлер не отвечает.

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. Нашего друга Хаджи-Мурата случаем не видал?

БУТЛЕР. Нет.

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. А слышно что?

БУТЛЕР. Видел ротмистра Лорис-Меликова. Он рассказал, что когда Хаджи-Мурат вернулся в Тифлис, то каждый день ходил к Воронцову и умолял его собрать горских пленных и выменять на них его семью. Он опять говорил, что без этого он связан и не может, как он хотел бы, служить русским и уничтожить Шамиля. Воронцов неопределенно откладывал, говоря, что он решит дело, когда приедет в Тифлис генерал Аргутинский и он переговорит с ним. Тогда Хаджи-Мурат стал просить Воронцова разрешить ему на время пожить в Нухе, где он полагал, что ему удобнее будет вести переговоры с Шамилем и с преданными ему людьми о своей семье. Воронцов разрешил ему жить в Нухе. У него там дом в пять комнат, недалеко от мечети и ханского дворца.

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. Бывал я в этих Нухах, там точно мечеть есть, Хаджи-Мурату будет удобнее молиться. Так ты со своими приятелями свиделся?

БУТЛЕР. Лучше б я их не видел.

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. Что ж ты к ним рвался?

БУТЛЕР. Сначала было очень весело. Остановился я в палатке старинного приятеля Полторацкого и нашел много знакомых. Потом пошел к молодому Воронцову, я его знал немало.

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. К сыну наместника?

БУТЛЕР. Да... Я служил в одном с ним полку. Воронцов принял меня очень ласково и представил новому начальнику левого фланга князю Бярятинскому. Тот пригласил меня на прощальный обед, который он давал бывшему до него начальнику левого фланга, генералу Козловскому.

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. Эх, жаль меня там не было. Каков обед?

БУТЛЕР. Обед великолепный. Были привезены и поставлены рядом шесть палаток. Во всю длину их был накрыт стол, уставленный приборами и бутылками. Все напоминало петербургское гвардейское житье. В два часа сели за стол. Во всю длину с обеих сторон сидели офицеры Кабардинского и Куринского полков. Я сидел рядом с Полторацким, мы весело болтали и пили. Когда дело дошло до жаркого и денщики стали разливать по бокалам шампанское, начались тосты за Бярятинского, за Воронцова, за офицеров, за солдат. Было так славно... Мы вышли от обеда опьяненные и выпитым вином, и военным восторгом... Погода была чудная, солнечная, тихая, с бодрящим свежим воздухом. Со всех сторон трещали костры, слышались песни. Казалось, все праздновали что-то...

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. Бутлер, ты стихи часом не пишешь? Рассказываешь, как девица из благородных. Ты сказывай быстрее, мне еще работать надо.

БУТЛЕР (*решившись*). У Полторацкого собрались офицеры, раскинули карточный стол, и адъютант заложил банк в сто рублей.

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. И ты не выдержал...

БУТЛЕР. Раза два я выходил из палатки, держа в руке, в кармане панталон свой кошелек...

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. Не выдержал, значит...

БУТЛЕР. Я, несмотря на данное себе и братьям слово не играть, стал понтировать....

Бутлер замолкает, как бы снова переживая случившееся.

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. Опять умолк. Дальше-то чего?

БУТЛЕР. Не прошло и часу, как я, весь красный, в поту, испачканный мелом, сидел, облокотившись обеими руками на стол, и писал под смятыми на углы и транспорты картами цифры своих ставок. Я проиграл так много, что уж боялся счесть то, что было за мной записано.

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. Как много?

БУТЛЕР. Так много, что, отдав все жалованье, которое мог взять вперед, и цену своей лошади, я все-таки не смогу заплатить всего, что было за мною записано неизвестным адъютантом. Я бы играл и еще, но адъютант со строгим лицом положил карты и стал считать меловую колонну записей за мной. Мне пришлось просить извинить его за то, что не могу заплатить сейчас всего того, что проиграл. Я сказал, что пришлю из дому, и когда я

сказал это, то заметил, что всем стало жаль меня. Даже Полторацкий избегал моего взгляда. Это был последний мой вечер. Стоило мне не играть, а пойти к Воронцову, куда меня звали, и все бы было хорошо. А теперь все ужасно.

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. Бутлер, не завидую я тебе.

БУТЛЕР. Хуже не бывает. Я сегодня проснулся рано и, вспомнив свое положение, хотел бы опять нырнуть в забвение, из которого только что вышел, но нельзя было. Надо было принять меры, чтобы выплатить четыреста семьдесят рублей, которые я остался должен незнакомому человеку. Я написал письмо брату, каясь в своем грехе и умоляя его выслать мне в последний раз пятьсот рублей в счет той мельницы, которая оставалась у нас с ним в общем владении. А еще я написал своей скупой родственнице, прося ее дать на каких она хочет процентах те же пятьсот рублей. Но все это, ежели случится, то нескоро. А мне нужно как можно быстрее расплатиться с долгом.

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. Да-с, положеньице...

БУТЛЕР. Иван Матвеевич, я знаю что у вас с Марьей Дмитриевной есть деньги, одолжите пятьсот рублей, пока я не получу из дому.

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. Надо, надо выкрутиться, черт его возьми. У этого (*показывает в сторону*) ну там живет... у маркиганта, нет ли?

БУТЛЕР. Я уже с утра ходил, говорит, что нет у него. Одна надежда на вас, Иван Матвеевич.

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. Я бы дал, прямо сейчас отдал бы, да Машка не даст. Они, эти бабы, очень уж прижимисты, черт их знает. Извини, Бутлер, вот такие дела.

БУТЛЕР. Остается уповать только на брата или на скупую родственницу.

Иван Матвеевич уходит. Бутлер тяжело идет к своей мазанке.

8.

...Вдали, тянущиеся в небо горы, горы, горы, местами покрытые деревьями и кустарниками. Горы сплетаются в причудливый притягивающий взор орнамент...

Городок Нуха. Под горой прилепленные друг к другу сакли и каменные городские дома. Дорога. Рядом ручей. За дорогой каменный дом.

Появляется Хаджи-Мурат. За ним на расстоянии следует Элдар.

ЭЛДАР (*смотрит в сторону*). Идут.

Появляется Хан-Магома и лазутчик, укутанный до глаз в башлык. Лазутчик скидывает башлык, почтительно прикладывает руку к груди, подходит к Хаджи-Мурату. Тот приближает лазутчика. Они садятся на камни.

ХАДЖИ-МУРАТ. Тебя прислали мои друзья?

ЛАЗУТЧИК. Да, Хаджи-Мурат.

ХАДЖИ-МУРАТ. Говори.

ЛАЗУТЧИК. Мне сразу трудно говорить.

ХАДЖИ-МУРАТ. Правда не может быть трудной, говори, тебя никто не убьет!

ЛАЗУТЧИК. Твои приверженцы в Дагестане хотят хитростью или силой вырвать твою семью от Шамиля. Преданные тебе аварцы собираются похитить твою семью и выйти к русским.

ХАДЖИ-МУРАТ. Это хорошие новости.

ЛАЗУТЧИК. Но людей, готовых на это, слишком мало, и они не решаются сделать этого в месте заключения семьи в Ведено. Такое возможно, если семью перевезут из Ведено в другое место. Тогда по пути они обещают отбить твою семью.

ХАДЖИ-МУРАТ. Шамиль очень хитер, он никогда не перевезет мою семью в другой аул. Моих надо выкрасть прямо из Ведено. Следует напасть или подкупить охрану, сделайте что хотите, но моя семья должна быть спасена. Я обещаю три тысячи рублей за это дело.

Передай им.

Лазутчик тяжело дышит, нервничает.

ХАДЖИ-МУРАТ. Ты хочешь еще что-то сказать? Говори.

Лазутчик еще больше нервничает.

ХАДЖИ-МУРАТ (*жестко*). Ты будешь говорить?

Хан-Магома делает шаг вперед, хватаясь за кинжал, Хаджи-Мурат жестом останавливает его.

ЛАЗУТЧИК (*с трудом*). Друзья, которые взялись выручить твою семью, велели мне передать, что, если твоя семья останется в Ведено, то они не смогут тебе помочь... Шамиль угрожает самыми страшными казнями тем, кто будет помогать тебе.

ХАДЖИ-МУРАТ. Это все?

ЛАЗУТЧИК. Все. Я хочу сказать...

ХАДЖИ-МУРАТ. Дальше незачем говорить.

Хаджи-Мурат встает, лазутчик за ним. Хаджи-Мурат показывает рукой, чтобы лазутчик ушел.

ЛАЗУТЧИК. Какой будет ответ?

ХАДЖИ-МУРАТ. Ответ даст Аллах.

Хаджи-Мурат достает из кармана две золотых монеты, отдает лазутчику.

ХАДЖИ-МУРАТ. Иди.

Лазутчик уходит, Хан-Магома провожает его, потом возвращается.

ХАН-МАГОМА. Еще русский чиновник должен приехать.

ХАДЖИ-МУРАТ. Я помню.

Хан-Магома уходит.

Хаджи-Мурат подходит к ручью умывается, потом садится на камень, закрывает глаза...

ЭЛДАР. Все лазутчики говорят одно и то же. Что будешь делать, Хаджи-Мурат?

ХАДЖИ-МУРАТ (*не открывая глаз*). Я бежал из гор, отчасти спасая себя, отчасти из ненависти к Шамилю, и, как ни трудно было это бегство, я достиг своей цели. В первое время меня радовал успех, и я обдумывал планы нападения на Шамиля. Но у него моя семья. Моя голова мои руки здесь со мной, а сердце там, в плену у Шамиля. Я все могу, я могу все...

Хаджи-Мурат встает, ходит.

ХАДЖИ-МУРАТ. Моя семья там за горами. Я доскачу до них очень быстро... Но... Я могу все, кроме как освободить мою семью. Если я нападу на него, Шамиль сразу раздаст моих женщин по аулам и убьет или ослепит сына. Я переехал сюда в Нуху, чтобы быть ближе к месту событий и все равно...

ЭЛДАР. Ты должен что-то решить.

ХАДЖИ-МУРАТ. Что делать? Поверить Шамилю и вернуться к нему? Он лисица - обманет. Если же он и не обманет, то покориться ему нельзя. Нельзя потому, что он теперь, после того как я побыл у русских, уже не поверит мне.

ЭЛДАР. Ты можешь обратиться за помощью к старикам, Шамиль их послушает.

ХАДЖИ-МУРАТ. Я хорошо знаю Шамиля, он никого не послушает. Ты знаешь сказку о соколе?

ЭЛДАР. Нет.

ХАДЖИ-МУРАТ. Сокол был пойман, жил у людей и потом вернулся в горы к своим в пугах, и на пугах остались бубенцы. И соколы не приняли его. "Лети, - сказали они, - туда, где надели на тебя серебряные бубенцы. У нас нет бубенцов, нет и пуг". Сокол не хотел покидать родину и остался. Но другие соколы не приняли и заклевали его. Так заклюют и меня.

ЭЛДАР. У тебя есть другой выход?

ХАДЖИ-МУРАТ. Остаться здесь. Покорить русскому царю Кавказ, заслужить славу, чины, богатство. Мне старый князь Воронцов всегда говорил много лестных слов.

ЭЛДАР. Тебе надо подумать.

ХАДЖИ-МУРАТ. Я ночи не сплю, все думаю...

Появляются Кириллов, Каменев и Хан-Магома.

КИРИЛЛОВ (*вальжно*). Мое почтение, Хаджи-Мурат! (Оглядывается.) Вижу, вы тут неплохо устроились. Я деньги привез. Сейчас дадим.

Кириллов достает кошелек из своей дорожной сумки.

КИРИЛЛОВ (*Каменеву*). И на что им деньги? Они же...

КАМЕНЕВ (*перебивает*). Они понимают по-русски.

КИРИЛЛОВ (*более почтительно*). Статский советник Кириллов. Князь Воронцов пожелал, чтобы вы к двенадцатому числу прибыли в Тифлис для свидания с генералом Аргунтинским

ХАДЖИ-МУРАТ. Якши. Деньги давай, за две недели теперь.

Хаджи-Мурат и показал десять пальцев и еще четыре.

ХАДЖИ-МУРАТ. Давай. Семьдесят рублей.

Кириллов передает Хаджи-Мурату мешочек, тот бросает его Хан-Магоме. Хан-Магома отходит в сторону и на земле считает золотые.

КИРИЛЛОВ. Места тут унылые, вам не скучно?

Хаджи-Мурат отворачивается.

ЭЛДАР. Хаджи-Мурат не хочет с тобой говорить.

КИРИЛЛОВ. Это почему-же, извольте отвечать!

Неожиданно Хаджи-Мурат хлопает Кириллова по плещи, и вместе с Элдаром и Хан-Магомой они идут к дому..

КИРИЛЛОВ (*запальчиво вслед*). Вы не можете сметь так вести себя, я в чине полковника!

Хаджи-Мурат презрительно машет рукой. Они заходят в дом.

КИРИЛЛОВ (*Каменеву*). Вы зачем это им позволяете?!

КАМЕНЕВ. Что с ним станешь делать? Пырнет кинжалом, вот и все. С этими чертями не сговоришься. Я вижу, он тут беситься начинает.

КИРИЛЛОВ. Я доложу о недостойном поведении этого горца самому князю Воронцову.

КАМЕНЕВ. Бесплезно. Надо возвращаться, скоро смеркаться начнет, а ездить по этим местам ночью не советую.

КИРИЛЛОВ. Тогда поспешим. А князю я непременно доложу.

КАМЕНЕВ. Ваша воля.

Они быстро уходят. Темнеет.

Хаджи-Мурат выходит из дома. Элдар за ним.

ХАДЖИ-МУРАТ. Убрались, собаки. В доме все давит, хочется на волю.

ЭЛДАР. Тебе надо выспаться.

ХАДЖИ-МУРАТ. Не могу спать. В доме я задыхаюсь.

ЭЛДАР. Здесь во дворе поспи, я буду рядом.

ХАДЖИ-МУРАТ. Иди в дом, завтра трудный день...

ЭЛДАР. Я останусь.

ХАДЖИ-МУРАТ. Иди, мне надо остаться одному, подумать.

Элдар идет к дому, оглядывается.

ХАДЖИ-МУРАТ. Иди-иди.

Элдар заходит в дом.

Хаджи-Мурат молится, потом сидит с закрытыми глазами...

Ему является любимый сын Юсуф. Юсуф хорошо одет и вооружен, глаза его горят, он улыбается.

Хаджи-Мурат наголо стрижет сыну голову, потом вытирает ее.

ЮСУФ. Отец, позволь мне проводить тебя.

ХАДЖИ-МУРАТ. Ты должен остаться, Юсуф. Ты главный мужчина теперь в доме. Береги мать и бабу.

ЮСУФ. Пока я жив, никто не сделает им ничего худого.

Хаджи-Мурат уходит в тень. Юсуф делает движения кинжалом, получается нечто вроде танца. Где-то громко кричит шакал. Юсуф исчезает.

ХАДЖИ-МУРАТ. И вот такого сына хочет ослепить Шамиль?! А что он сделает с моей матерью и женами, я даже боюсь думать... Элдар! Хан-Магома!

Солнце только всходит. Поют соловьи.

Из дома выходит во всеоружии Элдар, за ним на ходу одеваясь Хан-Магома.

ХАДЖИ-МУРАТ. Хан-Магома, поди, скажи приставу, что я желаю ехать на прогулку, и седлайте коней. Берем с собой все оружие, другим моим людям тоже скажите.

Хан-Магома быстро уходит со двора.

ХАДЖИ-МУРАТ. Я сам освобожу свою семью.

ЭЛДАР. Зачем нам тогда казаки с приставом?

ХАДЖИ-МУРАТ. Если мы уедем без них, за нами пустят погоню, их будет больше, и они будут вооружены до зубов. Пошли!

Хаджи-Мурат и Элдар выходят со двора.

9.

...Вдали, тянущиеся в небо горы, горы, горы, местами покрытые деревьями и кустарниками. Горы сплетаются в причудливый притягивающий взор орнамент...

Крепость. Двор. Вечерет.

Откуда-то издали раздаются пьяные голоса, звон посуды. Кто-то поет, песню нестройно подхватывают.

Выходит Поздеев, смотрит в сторону, откуда раздаются голоса, прислушиваются. Появляется Павлов.

Поздеев достает кисет, угощает Павлова.

ПОЗДЕЕВ. Перекурить спокойно не дадут, орут как резаные.

ПАВЛОВ. Что за повод такой?

ПОЗДЕЕВ. Так две роты Кабардинского полка подошли, местные их угощают по нашему кавказскому обычаю.

ПАВЛОВ. Нам бы чего досталось.

ПОЗДЕЕВ. Попадешь под руку, достанется. Пошли за дом.

Поздеев и Павлов уходят.

Появляется Бутлер, идет к своему дому. Навстречу выходит Марья Дмитриевна, на ходу надевая платок.

МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА. Вы, я вижу, раскраснелись, оживились, не ходите больше понурый, никак пятьсот рублей долга отдали?

БУТЛЕР. Куда там... Долг свой я уплатил, заняв деньги у еврея за огромные проценты, то есть только отсрочил и отдалил неразрешенное положение. Так что радоваться нечему.

МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА. Отчего ж вы такой веселый? Вы что тоже там были?

БУТЛЕР. Был, и пил, и ел. Вы сами куда?

МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА. А я как раз туда – своего старика проведать.

БУТЛЕР. Что же его проведывать, сам придет.

МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА. Да придет ли?

БУТЛЕР. А не придет - принесут.

МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА. То-то, нехорошо ведь это, так не ходить?

БУТЛЕР. Нет, не ходите.

Раздается топот лошадей.

МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА. Это кого несет?

БУТЛЕР (*глядит на дорогу*). Это Каменев, офицер.

МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА. Каменев? Он раньше служил с Иваном Матвеевичем.

Появляется Каменев с холщовым мешком.

МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА. Петр Николаевич, вы?

КАМЕНЕВ. Я самый. А, Бутлер! Приветствую! Не спите еще?

Гуляете с Марьей Дмитриевной? Смотрите, Иван Матвеевич вам задаст.

БУТЛЕР. Мы во дворе случайно встретились.

КАМЕНЕВ. Где Иван Матвеевич?

МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА. А вот слышите, кутят.

КАМЕНЕВ. Что за повод такой?

МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА. Роты пришли из Хасав-Юрта, вот и угощаются.

КАМЕНЕВ. Это дело хорошее, и я поспею. Я к вам ведь только на минуту.

БУТЛЕР. Что же, дело какое есть?

КАМЕНЕВ. Есть маленькое дельце.

БУТЛЕР. Хорошее или дурное?

КАМЕНЕВ (*смеется*). Кому как! Для нас хорошее, кое для кого скверное. Вот оно, мое дело...

Каменев достаёт из холщового мешка переметную суму, запускает в нее руку.

КАМЕНЕВ. Так показать вам новость? (*Марье Дмитриевне.*) Вы не испугаетесь?

МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА. Чего же бояться?

КАМЕНЕВ. Тогда держитесь, вот она.

Каменев достаёт человеческую голову и выставляет ее на стол.

КАМЕНЕВ. Узнаете?

...Под светом месяца видна голова Хаджи-Мурата с одним открытым, другим полузакрытым глазом, с разрубленным и недорубленным бритым черепом, с окровавленным, с запекшейся черной кровью носом. Шея замотана окровавленным полотенцем. Несмотря на все раны головы, в складе посиневших губ детское доброе выражение.

Марья Дмитриевна смотрит и, ничего не сказав, быстрыми шагами уходит в дом. Каменев выставляет голову на стол.

БУТЛЕР. Боже, Хаджи-Мурат... Как же это? Кто его убил? Где?

КАМЕНЕВ. Удрать хотел, поймали. И молодцом умер.

БУТЛЕР. Да как же это все случилось?

КАМЕНЕВ. А вот погодите, Иван Матвеевич придет, я все подробно расскажу. Ведь я затем послан. Развожу по всем укреплениям, аулам, показываю.

Появляется Иван Матвеевич, очень пьяный с корзинкой в руках. Он рубит воображаемых врагов и то ругается, то хохочет, то обнимается, то пляшет под любимую свою песню: "Шамиль начал бунтоваться в прошедшие годы, трай-рай-рататай, в прошедшие годы".

КАМЕНЕВ. А я к вам, Иван Матвеевич, Хаджи-Мурата голову привез.

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. Врешь! Убили?

КАМЕНЕВ. Да, бежать хотел.

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. Я говорил, что надует. Так где же она? Голова-то? Покажи-ка.

КАМЕНЕВ. Так вот она.

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. Как его... Так за так... мать... А все-таки молодчина был. Дай я его поцелую.

Иван Матвеевич хочет подойти к столу, Каменев и Бутлер силой его уводят в сторону.

КАМЕНЕВ. Да, правда, лихая была голова.

ИВАН МАТВЕЕВИЧ (*кричит*). Нет, дай я его поцелую. Он мне шашку подарил.

БУТЛЕР. Нехорошо это, Иван Матвеевич.

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. Что вы тут понимаете, что хорошо. Видел бы ты с мое, сколько хороших офицеров и солдат на этой войне поубивали. Все не так-с, как у вас в Петербурге: равненье направо, равненье налево. Жизнь! Да что вам рассказывать, все равно не поймете. Я вот прихватил гостинцы, а выходит – на поминки.

Иван Матвеевич выкладывает из корзины на стол водку, пироги, стопки.

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. Помянем. Я сейчас еще принесу.

Иван Матвеевич уходит. Каменев прячет голову обратно в мешок.

БУТЛЕР. Ты подробно мне расскажи, как все дело было?

Каменев разливает водку, они с Бутлером, не чокаясь, пьют.

КАМЕНЕВ. Я сам участвовал. Дело было вот как. Хаджи-Мурату у нас в Нухе было разрешено кататься верхом вблизи города и непременно с конвоем казаков. В первый день послали с Хаджи-Муратом десять казаков. А потом решили посылать по пять человек, прося Хаджи-Мурата не брать с собой всех своих нукеров, а их у него в Нухе было пятеро. Но в день побега Хаджи-Мурат выехал на прогулку со всеми пятью. Наш воинский начальник это заметил и сказал, что ему не позволено брать с собой всех. Но Хаджи-Мурат как будто не слышал, тронул лошадь, а воинский начальник не стал настаивать. С казаками был урядник, георгиевский кавалер Назаренко. Так они прошли с версту по направлению к горам. Хаджи-Мурат перешел на скок, Назаренко пытался его остановить, но Хаджи-Мурат скакал все быстрее. Назаренко был добрый и смелый казак, я его хорошо знал, он настиг Хаджи-Мурата и схватил его лошадь за поводья. Давай еще по одной, помянем.

Бутлер и Каменев пьют.

БУТЛЕР. Что дальше было, мне не терпится услышать...

КАМЕНЕВ. ...И тут раздался выстрел, Назаренко был убит. Горцы Хаджи-Мурата прежде казаков взяли за оружие и били казаков из пистолетов и рубили их шашками. Удалось уйти лишь одному казаку, он-то все как было и рассказал. За бежавшими местный начальник Карганов послал не только бывших в наличности казаков, но собраны были все, даже милиционеры из мирных аулов. Ну и я, естественно там был. Каргановым объявлено было тысячу рублей награды тому, кто привезет живого или мертвого Хаджи-Мурата. Деньги немалые, сам понимаешь...

БУТЛЕР. А Хаджи-Мурат в это время что делал?

КАМЕНЕВ. Выпьем, доскажу.

Бутлер и Каменев выпивают.

КАМЕНЕВ. А Хаджи-Мурат, проехав несколько верст по большой дороге, остановился. Это потом свидетели рассказали. Несмотря на то, что путь в горы лежал направо, Хаджи-Мурат повернул в противоположную сторону, влево, рассчитывая на то, что погоня бросится за ним именно направо. Он хотел без дороги переправясь через Алазань, выехать на большую дорогу, где его никто не будет ожидать, и проехать по ней до леса и тогда уже, вновь переехав через реку, лесом пробраться в горы. А там его ищи-свищи. Он же хитрый, пес... Пирогі вкусные, а я с утра не кушал. *(Ест пирог.)*

БУТЛЕР. Вы сказывайте дальше, пироги никуда не денутся.

КАМЕНЕВ (продолжает жевать). Ну так вот. Но доехать до реки Хаджи-Мурату оказалось невозможным. Рисовое поле, через которое надо было проскакать, было только что залито водой и превратилось в трясину. Лошади в ней завязли. Тогда Хаджи-Мурат решил въехать в кусты и там, дав отдых измученным лошадям, пробыть до ночи. Начальник Карганов с сотней милиционеров и казаков нигде не нашел следов Хаджи-Мурата. Карганов уже возвращался безнадежно домой, когда перед вечером ему встретился старик-татарин, который и показал, куда ускакал Хаджи-Мурат со своими нукерами. Карганов окружил кусты и стал дожидаться утра, чтобы взять Хаджи-Мурата живого или мертвого.

Как только стало светать, Карганов крикнул, чтобы Хаджи-Мурат сдавался. В ответ посыпались выстрелы. Так продолжалось более часа, пока не подошел Гаджи-Ага Мехтулинский со своими людьми. Их было человек двести. Гаджи-Ага был когда-то кулак Хаджи-Мурата и жил с ним в горах, но потом перешел на нашу сторону. Мы, стреляя, понемногу приближались к завалу, перебегая от куста к кусту. Хаджи-Мурат в ответ бил без промаха, много народу он поубивал. Но мы придвигались все ближе и ближе.

Каменев замолкает, как бы заново видя произошедшее.

БУТЛЕР. Вы остановились на самом интересном.

КАМЕНЕВ. Эх, давайте помянем.

Каменев пьет до конца и закусывает.

КАМЕНЕВ. А дальше я сам как сейчас вижу... Я вижу... Раненый Хаджи-Мурат весь в крови вылез из ямы, видно патроны закончились, и с кинжалом пошел прямо, тяжело

хромая, навстречу нашим. Раздалось несколько выстрелов, Хаджи-Мурат зашатался и упал. Несколько человек милиционеров с торжествующим визгом бросились к упавшему телу. Но то, что показалось им мертвым телом, вдруг зашевелилось.

БУТЛЕР. Ужас какой, вы это не выдумали?

Каменев встает, изображает Хаджи-Мурата.

КАМЕНЕВ. С чего это мне врать? Все так и было. Сначала поднялась окровавленная, без папахи, бритая голова, потом поднялось туловище, и, ухватившись за дерево, он поднялся весь. Он так был страшен, что подбегавшие остановились. Но вдруг он дрогнул, отшатнулся от дерева и со всего роста, как подкошенный репей, упал на лицо и уже не двигался. Первый подбежал к нему Гаджи-Ага и ударил его большим кинжалом по голове. Потом, наступив ногой на спину тела, он с двух ударов отсек голову Хаджи-Мурату и осторожно, чтобы не запачкать в кровь свои чуваки, откатил ее ногою. Алая кровь хлынула из артерий шеи и черная из головы и залила траву. Потом и Карганов, и Гаджи-Ага, и Ахмет-Хан, и все милиционеры, как охотники над убитым зверем, собрались над телами Хаджи-Мурата и его людей и, весело разговаривая, торжествовали свою победу.

Появляется Иван Матвеевич, громко свистит.

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. Пошли к нам, там весело, помянем по-человечески.

КАМЕНЕВ. Надо бы.

Каменев берет мешок, идет.

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. Да оставь ее здесь, зачем голова там...

КАМЕНЕВ. Мало ли.

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. Оставь, пошли. Пошли, Бутлер.

БУТЛЕР. Я приду, попозже.

Каменев оставляет мешок на столе. Иван Матвеевич и Каменев уходят.

Из дому выходит Марья Дмитриевна.

Марья Дмитриевна подходит и руками рвет репейник.

БУТЛЕР. Что вы, Марья Дмитриевна?

Марья Дмитриевна рвет репейник все ожесточеннее.

МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА. Все вы живорезы. Терпеть не могу. Живорезы, право.

БУТЛЕР. То же со всеми может быть, на то война.

МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА. Война!? Какая война? Живорезы, вот и все. Еще зубоскалят.

БУТЛЕР. Я лучше домой пойду.

Бутлер уходит к себе.

Марья Дмитриевна сбивает руки в кровь, но репейник не поддается.

МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА. Живорезы, право.

Марья Дмитриевна подходит к мешку с головой, крестит, читает молитву.

МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА. Мертвое тело земле предать надо.

Марья Дмитриевна бережно берет мешок и, унося его, поет заунывную песню...

Copyright © 2014 Сергей Сейранян

Сейранян Сергей Багатурович.

Санкт-Петербург, Большеохтинский пр. д. 41, кв. 8.

Тел. 7-812-227-18-03, +7-921-932-05-26 (моб.)

e-mail: cc1956@mail.ru cc1956@ya.ru

